

GISAP:

CULTUROLOGY, SPORTS AND ART HISTORY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

No6 Liberal* | May 2015

Expert board:

Khachatur Sanosyan (Armenia), Radko Monchev (Bulgaria), Julie Soreli (France), Seraly Tleubayev (Kazakhstan), Tamara Stepanskaya, Tatyana Makarova (Russia), Oksana Lagoda, Tatyana Lugovaya (Ukraine), Semen Zhytnigor (USA – Israel)

“Hypothetics: everlasting stories”

Leslie Alvin White was actively interested in all aspects of public life not only in the USA, but also far outside his country. Being the good expert in social processes at the same time he avoided any elements of open publicity in his own life in every possible way. Every time when professor had to state his scientific views and everyday comments not among colleagues or in university audiences, but in his contacts with the public representatives, he felt unconquerably worried. This time as well the President of the American anthropological Association in some confusion was expecting for the journalists of the “The New York Times” newspaper being fairly late for a meeting...

For an hour, with his hands on his back, the scientist has been silently measuring with steps the area of his study in the Association building in the Arlington district. He’s been reflecting on the possible list of questions of the upcoming conversation. The subject of the interview was related to the perspective of “cultural evolution”. It was in some way a quintessence of his scientific creativity...

After a knock at a door two young journalists – the guy and the girl armed with a portable dictaphone, notebooks and ball pens entered the office together with Meryl – personal secretary of Mr. White.

– “The New York Times” journalists, sir! – The secretary reported. – I remind: in 30 minutes at the entrance to the building you will be expected by the car. It will take you to the conference in Washington. Try not to be late, please!

Having instructively guided her boss, Meryl stepped outside the office leaving Mr. Whyte alone with young people.

– Goldie is my name! – The girl stretched her with a pleasant smile greeting the scientist. – Thank you for the consent to give an interview to our newspaper! And, for God’s sake, excuse us for being late! Our flight was, unfortunately, delayed because of bad weather in New York...

– No, thank you for your interest to my humble identity! – White shook hands with the beauty bowing. – In addition I am grateful for a little psychological shake-up. I have to honestly admit that I communicate with journalists rarely and now I am fairly worried.

– Peter! – The guy introduced himself. – You have no idea how nervous we are! After all in order to get prepared a little for conversation with you, we had to look through the brief courses of anthropology and the theory of culture! It is very difficult and large-scale!

– Please, have a sit! – White showed guests soft armchairs in the middle of the office. – Len’s deal with this then!

– If you allow me – the first question to start! – Goldie started the interview with enthusiasm. – So, what is “culture”, Mr. White?

– At the beginning of the conversation you already ask the most important, difficult and final question of all social sciences practically! It has two answers. One of them is inexhaustibly infinite and in a general it can be formulated approximately like this: “everything that is the result and an embodiment of person’s intellectual and spiritual activity”. Another – laconic, but not less substantial: “symbols”...

– Symbols? Peter asked in amusement. – Do you mean some kind of signs?

– I mean any kinds of informal values developed by mankind value of which is formed not by biological, but by social needs of people... Well, let me try to illustrate on an example. We all have a need for satisfaction of a feeling of hunger. And hypothetically we can do this in various ways. It is possible to get food on hunting or in the course of collecting fruits eating the food raw right away. It is also possible to start preparing refined dishes and to taste them in the company of close people, enjoying not only the taste of food, but also communications... The modern mankind prefers the second way of having meals, but there have been other times as well, haven’t there? Due to properties of human intelligence, spiritual sensuality and the need for collective existence, in the process of development people have generated the artificial material and non-material objects not inherent in the surrounding nature. Rules, norms, creativity, creation, compassion, self-sacrifice, duty, love – all these social values can have only the moral nature or material expression (in the form of results of a constructive work or works of art), but all of them are elements – symbols of culture.

– ... And what forces people to form these cultural symbols? – Goldie took an interest. – Divine plan or some special internal program of the person?

– The nature of this phenomenon can be interpreted in many ways including the way chosen by you, dear Goldie, – professor White answered, – but I prefer to call such a need an embodiment of personal internal “energy”. Each person emits this energy and must have opportunity to spend it in creative acts. Otherwise it can be manifested in destructive behavior. This was, in my opinion, the social culture evolves.

– And through what the expression of...? – Goldie started asking the next question, but she was interrupted by the unexpected shriek of Mr. White who looked at the watch.

– Dear friends! – Professor addressed journalists. – Unfortunately, our meeting seems to have been rather short. Especially considering the scale of a subject of discussion. My “internal energy” is telling me that I have to be on my way to Washington at the moment. And if I don’t get into the car expecting me right now, this office will soon be filled with powerful “energy field” of strict and punctual Meryl! Therefore at this point I am saying goodbye to you. You can leave all other questions interesting to you in writing to my secretary...

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
May 13, 2015

GISAP: Culturology, Sports and Art History №5 Liberal* (May, 2015)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov

Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2054-0809

ISSN 2054-0817 (Online)

Design: Alexander Stadnichenko, Helena Grigorieva, Valentina Kuznetsova, Yury Skoblikov

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949, E-mail: office@gisap.eu, Web: http://gisap.eu

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
- the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

Print journal circulation: 1000

“* - Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”.

CONTENTS

T. Yeginbayeva , <i>Kazakh National University of Arts, Kazakhstan</i> THREE SONGS – THREE VISITING CARDS OF THE MUSICAL STYLE OF THE COMPOSER YERKEGALI RAKHMADIYEV	3
G. Milen’kaya , <i>Kyiv National University of Theatre, Film and Television named after I.K Karpenko-Kary, Ukraine</i> THEATRE AS A FACTOR OF HARMONIOUS DEVELOPMENT OF THE PERSON AND THE SOCIETY IN THE THEATRICAL AESTHETICS OF F. SCHILLER.....	6
S.M. Arefyeva , <i>Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhny Chelny branch, Russia</i> K.I. Arefyeva , <i>Moscow State University of design and technology, Russia</i> THE WORLD BROKEN INTO FRAGMENTS	8
O. Lagoda , <i>Cherkassy State Technological University, Ukraine</i> ART WITHIN FASHION OR FASHIONABLE ART: CONTEXT OF REPRESENTATIONS.....	10
S. Tleubayev , <i>Regional Academic Innovation University, Kazakhstan</i> B.S. Tleubayeva, G.Shagitova, M. Auezov <i>South Kazakhstan State University, Kazakhstan</i> TRADITIONAL DANCING CULTURE OF THE KAZAKH PEOPLE	15
N. Varekh , <i>Dnipropetrovsk National University named after O. Gonchar, Ukraine</i> OBJECTIVIZATION OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPES IN THE “INTOLERANCE LANGUAGE”: MEDIA-COMMUNICATIVE ASPECT	18
M.Y. Treschalin , <i>Lomonosov Moscow State University, Russia</i> SUPERNOVAE AND THE BIOSPHERE	22
G. Ferapontov, N. Vlasyuk, O.V. Mishutina , <i>Novosibirsk State Pedagogical University, Russia</i> SOCIAL CROSS-CULTURAL APPROACH AS THE FACTOR OF INTERPERSONAL COMMUNICATIONS ON THE BASIS OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES.....	27
D. Hamze , <i>Plovdiv University named after Paisii Hilendarski , Bulgaria</i> IN THE SEARCH FOR SELFNESS THROUGH THE PRISM OF THE COMPREHENSIVE DIALOGUE (in relation to one exhibition – competition)	30
M. Skvortsova, V. Dubchak, M. Kungurzewa , <i>Kuzbass State Technical University, Russia</i> ON THE QUESTION OF ORGANIZATION OF THE BALANCED DIET IN THE CYCLIC SPORTS	39

CONTENTS

Егинбаева Т.Ж. , <i>Казахский национальный университет искусств, Казахстан</i> ТРИ ПЕСНИ – ТРИ ВИЗИТНЫХ КАРТОЧКИ МУЗЫКАЛЬНОГО СТИЛЯ КОМПОЗИТОРА ЕРКЕГАЛИ РАХМАДИЕВА	3
Миленькая Г.Д. , <i>Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. И.К. Карпенка-Карого, Украина</i> ТЕАТР КАК ФАКТОР ГАРМОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ Ф. ШИЛЛЕРА	6
Arefyeva S.M. , <i>Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhny Chelny branch, Russia</i> Arefyeva K.I. , <i>Moscow State University of design and technology, Russia</i> THE WORLD BROKEN INTO FRAGMENTS	8
Лагода О.Н. , <i>Черкасский государственный технологический университет, Украина</i> ИСКУССТВО В МОДЕ ИЛИ МОДА НА ИСКУССТВО: КОНТЕКСТ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ	10
Глеубаев С.Ш. , <i>Региональный академический инновационный университет, Казахстан</i> Глеубаева Б.С., Шагитова Г.Ж. , <i>Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Казахстан</i> ТРАДИЦИОННАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА	15
Варех Н.В. , <i>Днепропетровский национальный университет им. Олесь Гончара, Украина</i> ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В «ЯЗЫКЕ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ»: МЕДИА-КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ	18
Трещалин М.Ю. , <i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия</i> СВЕРХНОВЫЕ ЗВЕЗДЫ И БИОСФЕРА	22
Ферапонтов Г.А., Власюк Н.Н., Мишутина О.В. , <i>Новосибирский Государственный педагогический университет, Россия</i> СОЦИО-КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД КАК ФАКТОР МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ НА БАЗЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	27
Хамзе Д.Г. , <i>Пловдивски университет им. Паисия Хилендарского, Болгария</i> В ПОИСКЕ САМОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ДИАЛОГА (по поводу одной выставки – конкурса)	30
Скворцова М.Ю., Дубчак В.А., Кунгурцева М.Д. , <i>Кузбасский государственный технический университет, Россия</i> К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПИТАНИЯ В ЦИКЛИЧЕСКИХ ВИДАХ СПОРТА	39

THREE SONGS – THREE VISITING CARDS OF THE MUSICAL STYLE OF THE COMPOSER YERKEGALI RAKHMADIYEV

T. Yeginbayeva, Full Professor
Kazakh National University of Arts, Kazakhstan

The article “*Three songs – three visiting cards of the musical style of the composer Erkegali Rakhmadiyev*” is focused on three most popular songs by the famous Kazakh composer Yerkegali Rakhmadiyev. These are included into the golden fund of musical culture of the Republic: “*Tan samaly*” (Morning freshness), “*Almaty keshi*” (Evening Almaty) on the poems by N. Shakenova and “*Elim Menin*” (My nation), written on verses of the Kazakhstan President Nursultan Nazarbayev. They are filled with the spirit of patriotism, a great love for the country, its nation. However every vocal miniature is filled with its own individual musical content.

Superior quality of Yerkegali Rakhmadiyev’s style is lyrical-epic nature of his work. It includes the organic synthesis of the modern and deeply national. The composer synthesizes traditional folkloric attributes with elements of modern European musical language. Melodic lyricism, combined with big leaps, simple tune-harmonic base, irregular, variable meter, rhythmic figures of triplets and syncope, intone-chorus form and piano-based instrumental accompaniment significantly distinguish these samples from folk prototypes and emphasize them into the category of *urban lyrical songs-romances*.

Keywords: song, love, homeland, beauty

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ТРИ ПЕСНИ – ТРИ ВИЗИТНЫХ КАРТОЧКИ МУЗЫКАЛЬНОГО СТИЛЯ КОМПОЗИТОРА ЕРКЕГАЛИ РАХМАДИЕВА

Егинбаева Т.Ж., проф.
Казахский национальный университет искусств, Казахстан

Статья “*Три песни – три визитных карточки музыкального стиля композитора Еркегали Рахмадиева*” посвящена трем наиболее популярным песням известного казахского композитора Еркегали Рахмадиева. Эти песни включены в золотой фонд музыкальной культуры республики: “*Tan samaly*” (Утренняя свежесть), “*Almaty keshi*” (Вечерний Алма-Аты) на стихи Н. Шакиновой и “*Elim Menin*” (Моя страна) на стихи Казахстанского президента Нурсултана Назарбаева. Они пропитаны духом патриотизма, большой любви к стране, ее нации. Однако каждая вокальная миниатюра наполнена своим собственным отдельным музыкальным содержанием.

Высшее качество стиля Еркегали Рахмадиева – лирическо-эпическая природа его работ. В его работах современное органично сочетается с глубоко национальным. Композитор сочетает традиционные фольклорные признаки с элементами современного европейского музыкального языка. Мелодичный лиризм, объединенный с резкими переходами, простой гармоничной базовой мелодией, переменчивым ритмом, ритмичными партиями троек и синкоп, речитативно-хоровыми формами и инструментального сопровождения фортепьяно значительно отличает эти работы от народных прототипов и подчеркивает их принадлежность к категории *урбанистических лирических песен-романсов*.

Ключевые слова: песня, любовь, Родина, красота.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.csah.v0i6.926>

Главным достоинством любой песни (как самостоятельного художественного сочинения) всегда считалась ее распространенность, популярность в народе. Именно это качество песен Рахмадиева можно смело назвать главным достижением композитора в этой жанровой области. Его песни нашли должный отклик в сердцах людей, стали ценным вкладом в казахскую музыкальную культуру, ее неотъемлемой частью. Песни Рахмадиева неизменно включены в репертуар официальных мероприятий, праздничных концертов, камерных выступлений. Они наполнены духом патриотизма, огромной любовью к Родине, своему народу, народному наследию. Всю жизнь композитор стремился к совершенствованию своего вокального письма, щедро использовал весь арсенал казахских народных песенных традиций. Как настоящий мастер кристаллизовал, оттачивал музыкальный стиль.

Композитором было написано

более 30 песен и романсов на стихи выдающихся казахских поэтов. Многие из них записаны на CD, пластинки, видеопленку и прочно вошли в концертный репертуар современных вокалистов. И все же есть несколько песен, которые особенно любимы и широко распространены в народе. Среди них – знаменитые «*Таң самалы*» и «*Алматы кеші*» на стихи Н. Шакинова, массовая песня «*«Елім менің»*», написанная композитором на стихи Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева.

Песня «*Елім менің*» (Мой народ) приобрела общенациональное значение. По своему образному содержанию и стилевым признакам она приближается к гимну – торжественному, эпическому, возвышенному и благородному. Поэтический текст наполнен светлым, высокогражданственным содержанием, любовью к соотечественникам, родной стране, ее природе.

Приподнятое, торжественное настроение заложено уже в пер-

вых полнозвучных, четких аккордах вступления, представляющих собой полные функциональные обороты лада. Основная мелодия пластична, волнообразна, но обладает широкой звуковой амплитудой, в ней преобладают восходящие призывные интонации. Ритмический рисунок мягкий, гладкий. В нем отсутствует типичный для такого рода сочинений пунктирный ритм, маршевость сочетается с казахским распевом. В мелодической основе сразу узнается национальная принадлежность мелодии. Особенно это проявляется в метрической свободе, ладо-функциональной опоре на V и «завуалировании» I ступени в самом начале изложения, ритмическом «растягивании» последнего слога.

Рахмадиев всегда точно следовал основной интонации стиха, стремился к воплощению первостепенной идеи сочинения. В массовой песне «*Елім менің*» обнаруживаются все черты песни-гимна: ясные аккорды классической мажоро-минорной сис-

Cantabile legato

А - рай - лап та - ым, Ас - қақ - тап тау - ым.

Ән ой - нап ке - гім, Күй тарт - ты ке - лим.

Песня «Елім менің»

темы, размер 4/4, четкая, шаговая ритмика, фанфарно-маршевые обороты. Песня изложена в героическом B-dur. Главным образом доминируют мажорные аккорды, подчеркивающие светлый радостный характер музыки, минорные аккорды встречаются редко, преимущественно в гармонических оборотах. Аккордовая плотная, даже грузная фактура изобилует фундаментальными функциональными басами. Объемный охват регистров, пространственность, постепенный захват диапазона в конце припева, предельное использование тембровых и голосовых возможностей максимально насыщают музыкальное полотно.

Композитор избирает традиционно для подобного жанра запевно-припевную замкнутую форму, где и куплет и припев заканчиваются на ясном тоническом устое.

Песня «Елім менің» представляет собой нерушимый, идейно преисполненный музыкально-поэтический монолит политической значимости. Она принадлежит к лучшим образцам сочинений, так называемого, «**высокого стиля**». В последний раз при жизни Еркегали Рахмадиева патриотическая песня «Елім менің» прозвучала на творческом вечере, посвященном его 80-летию в Национальном театре оперы и балета им. К. Байсеитовой. Исполненная в финале концерта со-

листом Жанатом Шыбыкбаевым, хором и симфоническим оркестром НТОБ она вызвала восторженные овации слушателей.

Две других песни – «Таң самалы» (Утренняя свежесть) и «Алматы кеші» (Вечер в Алматы), написанные на стихи одного поэта Нутфуллы Шакинова еще в 60-ые годы, объединены общей темой. Они посвящены любимому городу Алматы. «Алма-Ата времен моей юности запомнилась мне удивительной красотой. Я полюбил этот город за неповторимость облика. Улицы его были прямые и длинные, на юге открывалась панорама горных вершин Алатау. Повсюду высились пирамидальные тополя и журчали арыки. Упоительно свежим был воздух, продуваемый вечерними горными «бризами». Об этом городе я сложил впоследствии не одну песню» – вспоминал Еркегали Рахмадиев [1, 6].

Обе песни проникнуты чувством единения с природой, свежестью, переживаниями самого лирического героя, в душе которого уже зарождается чувство любви. Интересно, что композитор изображает два контрастных времени дня – утро, с его жизненной энергией, пробуждением природы, трепетом зарождающегося дня, и вечер, краткий миг перед наступающим таинством ночи.

Эти песни близки не только образ-

но-душевной лирикой, сердечной искренностью, вдохновенным обаянием – но и музыкально стилевым воплощением. Обе песни изложены в запевно-припевной форме, в тональности Des-dur¹. Особенно очаровательна в этих песнях мелодия. Она проста, естественна, легко запоминается, ладовой основой является мажорная пентатоника. В «Таң самалы» мелодическая линия постепенно раздвигает диапазон, захватывает пространство, секвентное движение мелодии устремлено ввысь к восходящему солнцу, озаряющему снежные вершины гор. Особенно насыщает мелодию метроритмическая свобода. Постепенно фактура уплотняется, все средства выразительности направлены к кульминации песни – припеву.

Эта произведение также можно назвать песней-посвящением – ее исполнительнице – любимице казахского народа, Народной артистке СССР Розе Баглановой. Невозможно забыть вдохновенное, душевное, словно ручейком струящееся ее исполнение данной песни, в свойственной только ей, своеобразной манере, особом тембре. Несмотря на внешнюю простоту, «Таң самалы» очень сложна для исполнителя своим широким диапазоном, удлиненной фразировкой, которая требует широкого дыхания, резкими переходами с высокой тесситурой на нижнюю. А в исполнении Розы Баглановой она звучала в едином дыхании, как красивая лирическая ария и мы слышали лишь прекрасную мелодию о любви на лоне природы.

В «Алматы кеші», напротив, мелодический диапазон ограничен пределами октавы. В запеве благодаря спокойно покачивающейся, умиротворяющей ритмоформуле, небольшим попевкам, легкому прозрачному аккомпанементу можно обнаружить выразительные элементы колыбельной. Кульминация вновь расположена в припеве: героя переполняет любовь к родному городу. На краткое мгновение мелодия романса выходит за пределы октавы, достигая децимы. Песню отличает метроритмическое

¹ В данном случае возможна ассоциация с отношением русского композитора Н. А. Римского-Корсакова к этой тональности, которую он определял как тональную сферу любви. Заметим, кстати, что Е. Рахмадиев в беседах подчеркивал свое непосредственное отношение к Петербургской композиторской школе, называя себя прямым потомком Римского-Корсакова.

Песня «Тан самалы»

постоянство, композитор использует размер 6/8, характерный для жанра колыбельной песни.

Мелодическая распевность, простая ладо-гармоническая основа, запевно-припевная форма, фортепианное инструментальное сопровождение значительно отличают эти образцы от народных прототипов и выделяют их в разряд **городских лирических песен-романсов**. «Все нововведения – не исключение, а правило для музыки Рахматиева. Его песни... принадлежат уже культуре города» – пишет Л. Измайлова [1, 22].

Таким образом, камерно-вокальное творчество Еркегали Рахматиева – одна из вершин современного казахского песенного творчества. Песни и романсы прочно вошли в репертуар профессиональных и самодеятельных исполнителей. Многие из них очень популярны. Каждая из вокальных миниатюр наполнена своим индивидуальным музыкальным содержанием.

Главное качество стиля Еркегали Рахматиева состоит в лиро-эпической природе его творчества, в органическом синтезе современного и глубоко национального, связанного корнями с особенностями казахской музыкальной культуры.

В сфере **музыкально-выразительных средств** композитор синтезирует традиционную фольклорную атрибутику с элементами современного европейского музыкального языка. **Тематизм** сочинений сориентирован на создание национального стиля.

В мелодии проявляется свободное сочетание мелодического и речевого типов интонирования, кантилены и речитатива. Особое значение в произведениях Рахматиева приобретает роль **ритма и метра**. Типичными средствами выразительности стали нерегулярный, переменный метр, ритмические фигуры триоль и синкопа.

Композитор тщательно работал с поэтическим источником. Взаимопроникновение слова и музыки, точное отражение образа в музыке было приоритетной задачей вокального творчества композитора.

Произведения Еркегали Рахматиева всегда актуальны. Они звучат не только на отечественных сценах, но и в концертных залах других стран. Казахские музыканты, представляя зарубежной аудитории казахскую музыку, неизменно включают в гастрольный репертуар сочинения выдающегося мастера, многогранного художника, музыкальный язык которого современен и органически связан с традиционной культурой казахского народа – Еркегали Рахматиевича Рахматиева.

References:

1. Izmajlova L. Erkegali Rakhmatiev [Yerkegali Rakhmatiev]. – Astana, Elorda, 2000. – 192 P.
2. Ketegenova N. Tvorcheskie portrety kompozitorov Kazahstana. Ocherki (K 70-letiju Sojuza kompozitorov Kazahstana) [Kazakhstan composers' creative portraits. Essays (to the 70th anniversary of the Kazakhstan Union of Composers)]. – Almaty, «Alatau», 2009., pp. 389-453.

3. Dzhumakova U. Tvorchestvo kompozitorov Kazahstana 1920-1980-h godov. Problemy istorii, smysla i cennosti [Works of Kazakhstan composers of 1920-1980s. Problems of the history, meaning and value]. – Astana, Foliant, 2003.

4. Öner Örinde. Na vershine... Kompozitor Erkegali Rakhmatiev (sbornik statej, ocherkov, stihov, jesse... K 70-letiju E. Rakhmatieva) [On the top ... The composer Yerkegali Rakhmatiev (collection of articles, essays, poetry, essays... to the 70th anniversary of E. Rakhmatiev)]. – Almaty, ИА «Айкос», 2000. – 420 P.

5. Begalinova A. Stroj i ladovaja sistemakazahskogo muzykal'nogo jazyka - Muzyka Kazahstana: proizvedenie i ispolnitel' [Tune and the modal system of the Kazakh musical language - Kazakhstan Music: the composition and the performer] Collection of scientific reports. – Almaty., 2000, pp. 105-112.

6. Kuzembaeva S. Formirovanie garmonii v kazahskoj muzyke [Forming harmony in the Kazakh music]. – Alma-Ata., «Nauka» [Science], 1977, pp. 7-120.

7. Rakhmatiev E. Vremja i muzyka: Stat'i, ocherki, razmyshlenija [Time and music: articles, essays, reflections], Edited by L. Goncharova - Alma-Ata., Oner, 1986. - 216 P.

Литература:

1. Измайлова Л. Еркегали Рахматиев. – Астана: Елорда, 2000. – 192 с.
2. Кетегенова Н. Творческие портреты композиторов Казахстана. Очерки (К 70-летию Союза композиторов Казахстана) – Алматы: «Алатау», 2009. – С. 389-453.
3. Джумакова У. Творчество композиторов Казахстана 1920-1980-х годов. Проблемы истории, смысла и ценности. – Астана: Фолиант, 2003.
4. Öner Örinde. На вершине... Композитор Еркегали Рахматиев (сборник статей, очерков, стихов, эссе... К 70-летию Е. Рахматиева) – Алматы: ИИА «Айкос», 2000. – 420 с.
5. Бегалинова А. Строй и ладовая система казахского музыкального языка//Музыка Казахстана: произведение и исполнитель. Сб. научных статей. Алматы, 2000, с. 105-112.
6. Кузембаева С. Формирование гармонии в казахской музыке. Алматы: «Наука», 1977, с. 7-120.
7. Рахматиев Е. Время и музыка: Статьи, очерки, размышления / Сост. Л. Гончарова. - Алма-Ата: Онер, 1986. - 216 с.

Information about author:

Toizhan Yeginbayeva - Full Professor, Kazakh National University of Arts; address: Kazakhstan, Astana city; e-mail: toizhan_2710@mail.ru

THEATRE AS A FACTOR
OF HARMONIOUS DEVELOPMENT
OF THE PERSON AND THE SOCIETY
IN THE THEATRICAL AESTHETICS
OF F. SCHILLER

G. Milen'kaya, Candidate of Art sciences, Pro-rector
Kyiv National University of Theatre, Film and Television named
after I.K Karpenko-Kary, Ukraine

Analysis and synthesis of F. Schiller views on the theater as a moral institution are made in the article. It has great impact on formation of the personal and the social moral guidelines in line with religion, state and laws.

Keywords: education, harmonic personality, moral, society, social institutions, theater.

Conference participant

ТЕАТР КАК ФАКТОР
ГАРМОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ
Ф. ШИЛЛЕРА

Миленькая Г.Д., канд. искусствоведческих наук, проректор
Киевский национальный университет театра,
кино и телевидения им. И.К. Карпенка-Карого, Украина

В статье проанализированы и обобщены взгляды Ф. Шиллера на театр как моральное учреждение, которое наравне с религией, государством и законами, имеет чрезвычайное влияние на формирование, как отдельной личности, так и нравственных ориентиров общества в целом.

Ключевые слова: просвещение, гармоническая личность, мораль, общество, социальные институты, театр.

Участник конференции

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.927>

В эпоху Просвещения вектор развития культуры определяется мировоззрением, основу которого составляет взгляд на человека как приоритетную ценность мира. В рамках просветительской парадигмы гуманизм самым тесным образом был связан с идеей нравственного развития, как человека, так и общества в целом.

Важнейшим фактором развития гармонической личности просветители считали ее нравственное и эстетическое воспитание. При этом, необходимо отметить, что эстетика Просвещения, является преимущественно эстетикой театра, поскольку ведущие практики и теоретики этого периода создавали свои трактаты, в первую очередь, про театр и для театра. Вольтер, Дидро, Лессинг, Мерсье, Шиллер, Гете, даже «ненавистник театра» Руссо, ставили театр по значимости его для общества выше остальных видов художественного творчества [1, 100], объясняя это его возможностью массового влияния на умы, сердца и мораль современников.

Театральная эстетика Ф. Шиллера, например, помимо разработки конкретных аспектов специфики театрального искусства, отображает общее движение философско-эстетической мысли XVIII в. В его теоретическом наследии огромное значение приобретает взгляд на театр как социальную институцию. Рассматривая креативный потенциал театра, просветитель выделяет ряд, особо важных для него,

аспектов, связанных с возможностями искусства сцены «внедрять» гуманистические идеи в общественное сознание.

Один из них обосновывается Ф. Шиллером в сравнении с духовным и моральным влиянием на человека религии, поскольку, как и религия, театр способен «спасать людей от ухудшения» и «оберегать сердца от слабостей и пороков» [4, Т.6, 19]. Согласно убеждению Ф. Шиллера, сцена имеет огромный потенциал борьбы с ошибками воспитания, что, в свою очередь, является «важнейшим делом государства». Однако, он утверждает, что моральное воздействие театра способно дополнять действие религии и законов, объясняя это тем, что театр является «школой практической мудрости» и «проводником по общественной жизни» [4, Т.6, 19].

Аргументация, использованная Ф. Шиллером в обосновании позитивного влияния театра на воспитание гуманистических устремлений человека и морали, дает основание говорить о нем как предвестнике социальной философии. Надеясь искусство сцены способностью влиять на дух нации, Ф. Шиллер провозглашает, что только театр способен служить объединению нации «единым духом», ибо он «объединяет все сословия и классы и владеет самым коротким путем к разуму и сердцу» [4, Т.6, 23]. При этом, по мнению Ф. Шиллера, большая заслуга театра заключается не только в

деле «морального просвещения», а и в сфере «просвещения умственного». И если Г. Э. Лессинг считал, что национальный театр начинается с нации [3, 368], то для Ф. Шиллера национальный театр способен создать нацию.

Подчеркнутая социальная позиция Ф. Шиллера, определяет и его постановку вопроса об этическом влиянии театра перед «сильными мира сего»: законодателями, лидерами государства, социальными институтами, которые не всегда осознают значимости театра как идеологического учреждения. Идеалом «мудрого законодателя» для него является тот, кто в состоянии осознать и использовать общественный влияние театра, как «орудие высших замыслов», и преобразовать их в «источник благоденствия» [4, Т.6, 16]. Более того, Ф. Шиллер декларирует, что разумные лидеры государства могли бы руководить со сцены взглядами народа на правительство и, использовать театр как, своего рода, барометр общественных настроений [4, Т.6, 21-23].

Гуманистическая направленность театральной концепции Ф. Шиллера связана и с его идеей театра как своеобразного судебного учреждения, которое выносит свой приговор не только социальному неравенству, а и ошибкам и страстям человеческого сердца. Надеясь театр способностью судить там, где заканчивается царство светского закона, Ф. Шиллер подчер-

кивает, что то, что в реальной жизни может «корректироваться золотом и служить пороку» [4, Т.6, 17], в театре поддается беспощадному осуждению.

И хотя достаточно утопически звучит утверждение Ф. Шиллера относительно «человечности и терпимости», которые, по его мнению, стали господствующим духом XVIII в. и одерживают верх «в залах суда и сердцах властителей» [4, Т.6, 21], тем не менее, и сегодня остается справедливым и оправданным его возвеличение роли театра как гармонизирующего фактора в формировании, как отдельной личности, так и общества в целом. В этой связи Т. Манн, произнося похвалу «космополитическому гуманизму» Ф. Шиллера, подчеркнул, что его идеи и в XX в. остаются «требованием нашего времени» [2, 139], при условии, что гуманизм, проникнув в наши сердца и в наши чувства, перестанет быть всего лишь абстрактной аксиомой.

References:

1. Grib V.R. Izbrannye raboty. Stat'i i lekciï po zarubezhnoj literature [Selected works. Articles and lectures on the foreign literature]. – Moskva., Fiction literature, 1956. – 417 P.
2. Dalmajr F. Prekrasnaja svoboda: Shiller ob «jesteticheskom vospitanii» chelovechestva - Voprosy filosofii [Perfect Freedom: Schiller on the aesthetic education of humanity - Problems of Philosophy]. 2006, No 6., pp. 138-155.
3. Lessing G.Je. Gamburgskaja dramaturgija [Hamburg dramaturgy], introduction article V.R. Griba, kom. B.I. Purisheva, edited by M. Lifshica – Moskva.–Lenigrad., Academia, 1936. – 455 P.
4. Shiller F. Collected works. Vol. 7. – Moskva., Fiction literature, 1955 – 1957.

Литература:

1. Гриб В.Р. Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе. – Москва., Художественная литература, 1956. – 417 с.
2. Далмайр Ф. Прекрасная свобода: Шиллер об «эстетическом воспитании» человечества., Вопросы философии, 2006, № 6., с. 138-155.
3. Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия., вст. ст. В.Р. Гриба, ком. Б.И. Пуришева, под. общ. ред. М. Лифшица – Москва. – Ленинград., Academia, 1936. – 455 с.
4. Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. – Москва., Художественная литература, 1955 – 1957.

Information about author:

Galina Milen'kaya - Candidate of Art sciences, Pro-rector, Kyiv National University of Theatre, Film and Television named after I.K Karpenko-Kary; address Ukraine, Kyiv city; e-mail: milgal@ukr.net

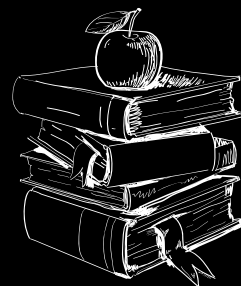
International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

THE WORLD BROKEN INTO FRAGMENTS

S.M. Arefyeva¹, Candidate of Education, Associate Prof.K.I. Arefyeva², StudentKazan (Volga region) Federal University, Naberezhny Chelny branch, Russia¹Moscow State University of design and technology, Russia²

The article is devoted to the problems of the globalization of culture. The author attempts to consider art in terms of the XXI century, recreating it as a holistic view of the world.

Keywords: globalization, design, art.

Conference participants,
National championship in scientific analytics

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.928>

Globalization requires modern thinking and determination of many things of reality, including art, from the standpoint of the XXI century. In connection with this, the chance was given by the media, politicians and professionals to start a company to determine the outstanding figures, which could contribute to the glory of the XX century. Such “pop stars” as Elvis Presley or not the “pop” figures as Rostropovich are included into the roster. It is a response to the desire of the art-review related to all sides of the relationship and interdependence, without appealing to ready-made schemes and citation.

But an attempt to recreate the entire picture leads to different tones of life color. Thus, recorded in news reports, many aspects of reality are still not clearly distinguishable and contemplative. Besides, the experience of art goes through the relationship with politics and ideology.

The separate subject is the social factor. It is known that the normativity focused on the artistic perception excludes the specific, manifested in a variety of everyday practices. Coloring life in different tones in combination with creative imagination leads a person to such a “window” of his own life, which is a nightmarish vision intimidating that all the subjects, tools, and techniques have long been known, and disclosed cards are known and scattered. There is a feeling of indifference, where the obvious and non-obvious things are difficult to see, and therefore only speculation is suggested.

Creation of the original work is certainly intriguing and captivating us by guess. At some moment in history comes the realization that joint efforts lead to a particular result, required by many. For example, the old-world charming way

of life occurred where there was only a muddled mind, and the new world was perceived as chaos, presenting frightening emotions and the way of thinking. However, many got already accustomed to that. Hence, restraint and detachment from causality, the mean citation outlining the nature of the art history development, departure from its description and representation act as a special and unique case in the modern society.

Effect of art on people is great, as it leads to the structural personal changes. The reality of the XX century determined the content of art - it is developing in tragic circumstances. But during life artists have gained experience, enriched the palette and made some artistic discoveries. And once again appeared a problem: creative freedom and unfreedom. It is about the ideological, political dependence, censorship. But mainly it is about money.

And if it is more or less clear about the traditional arts, then the design woven into the same process requires immediate comprehension, due to its diverse mutations in different spheres of life. It eliminates the national characteristics and creates a new formula of pragmatic unity, integrating and offering humanity sophisticated technical tools. It has raised the degree of interaction and effectiveness of all processes in time. Thus it develops multiplicity. This increases the stress on the human psyche, psychology and intelligence therefore developing creativity. We all live in a time of uncertainty. Its level has been increasing considerably lately and has washed out the boundaries between art and design. In this global system no contact between social and political components of the society takes place, all the relationships are transformed into

abstract categories and creative person perceives his relation to the world and to himself through the artistic exchange market.

For example, in the Design Museum (which was only opened in 2012 in Moscow) the exhibition “Soviet design of 50s-60s” presented in the Central Exhibition Hall (Manezh), represents just fragmented subject environment.

But even the collected data has some twofold meaning: youth and wide audience of our country and foreign experts are keenly interested in collecting items without considering them as a design. Mostly it looks like symbols for the audience. And the exhibition itself brings back to the Polytechnic Museum, where objects (architectural design, toys, traps and other things) are equipped with circuits, explanatory texts and photographs hanging on the walls. This creates the impression of contact with the old academic world rather than art space. But there is no presence of reality. All space is gelled.

Another example: Palace of Fairs - Museum of Contemporary Art in Prague (Veletržní palác – Muzeum moderního a současného umění), where on the six floors of the building the design exhibition is exhibited in a chronological order together with fine art paintings. Moreover, the effect on the viewer and his immersion in the environment goes at all levels (by symbols, by color, by font and by sound). However, there is a high risk of not bringing the message, the meaning. Hence, focus efforts and thoughts are needed. Therefore it's like a boring utopia archivist who is quite passionate to collect many variations of objects. Probably, the creators tried to create a uniform medium of space in which the man has developed together with his thoughts, passions and the

things accompanying him.

So the world represents a space broken into fragments, where the design is trying to present a kind of rapidly transforming the "field of art and culture", which is very differentiated and based on the principle of distinction. This creates a complex unity - "unity-in-diversity". In fact, art and practice (or art practices) are peculiar instruments of introduction of the principles of social and cultural environment and tolerance (racial, ethnic, cultural - «multiculturalism») as the universal values of modern society. And forms appearing in the design environment in many ways correspond to those ideas of the world where there is a total multiplicity of everyday life.

Despite all of this, the modern art in the XXI century, in its various forms, plays a special role in the comprehension of reality. It has a strong potential to help a person to protect the cultural, group, personal identity from the unification of globalization. It also helps designing the future and projecting the creative model of human development in general. It sometimes refers to the past, sometimes projects utopia, and often exists as the usual globalist's "trash" or "funny ethnic kitsch." But, today it renounces from the vanguard, intuitive modernism and postmodern irony and becomes an element of reality being promoted in the

urban landscape. So the globalization world is where design became functioning as normal, not striving for harmony, triumph, heroics, shock or naivete, merged with the conceptual and technical performance artworks. This is achieved by reducing the entertainment and thought-out minimalism. A new way of work appears – working with ideas. An illustration of this is the practice of painters, artists, designers and designers. There is demonstration of labor and resource consuming handiwork and the use of classical working tools. Moreover, all this is going on in close relationship with its market value, where the decline in the artistic component does not affect its value. For example, consider the works by Jeff Koons or Damien Hirst.

References:

1. Galeeva T.A., Prudnikova A.Ju. Hudozhestvennyye praktiki XX veka kak shkola tolerantnosti [Art practice of the XX century as a school of tolerance]. - Ekaterinburg, 2008.
2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo [The upcoming post-industrial society]. - Moskva., Akademiya, 1999.
3. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskusstva [Dehumanization of arts]. - Moskva., 2000.

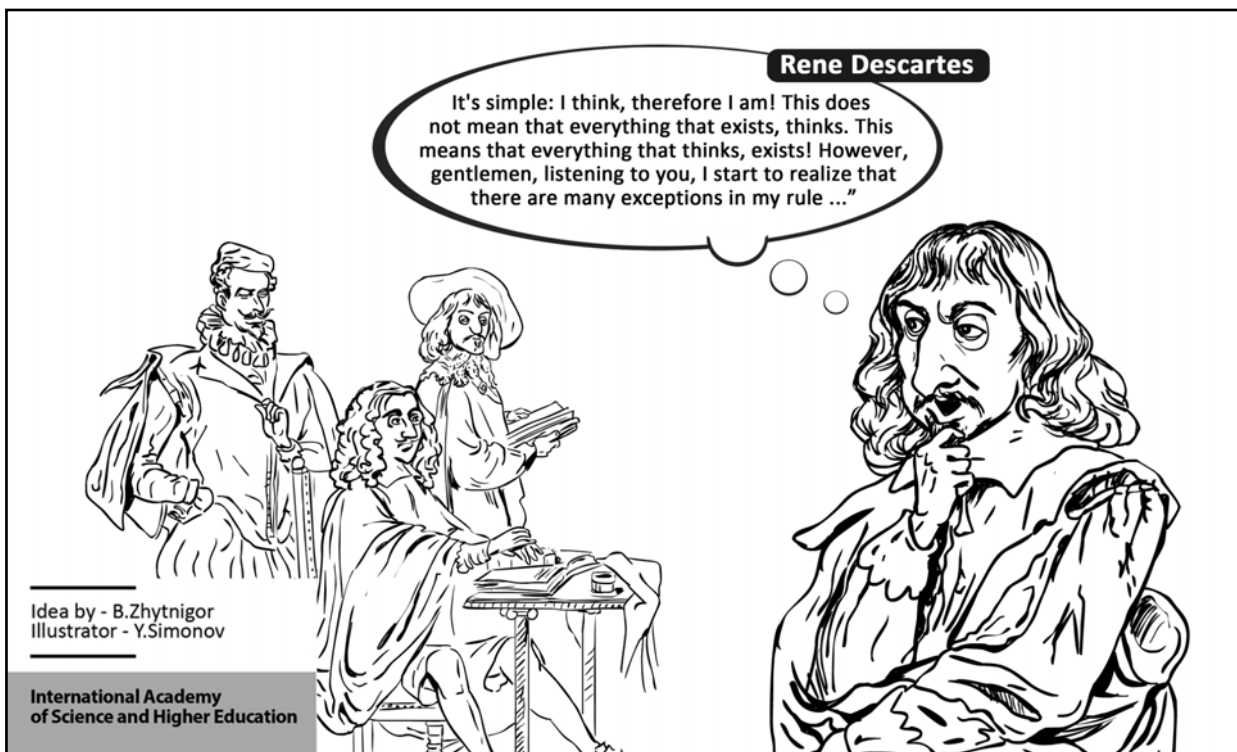
4. Zhevak A.I. Sociokul'turnye tendencii razvitiya sovremennogo iskusstva [Sociocultural trends in development of the modern art]., Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. – No. 1, 2013.

Литература:

1. Галеева Т.А., Прудникова А.Ю. Художественные практики XX века как школа толерантности. - Екатеринбург, 2008.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. - Москва., Академия, 1999.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. - Москва., 2000.
4. Жевак А.И. Социокультурные тенденции развития современного искусства., Теория и практика общественного развития. - № 1, 2013.

Information about authors:

1. Svetlana Arefyeva - Candidate of Education, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhny Chelny branch; Russia, Naberezhnye Chelny city; e-mail: arefeva-sveta@mail.ru
2. Ksenia Arefyeva - Student, Moscow State University of design and technology; Russia, Moscow city; e-mail: nikelage@gmail.com

ART WITHIN FASHION OR FASHIONABLE ART: CONTEXT OF REPRESENTATIONS

O. Lagoda, Candidate of Art History, Associate Professor
Cherkassy State Technological University,
Ukraine

The examples of collaboration of artists and designers (the results of their research include the costume models which have been recognized as works of modern art) demonstrate methods and ways of interaction of art and fashion in the processes of creation and representation of designers' works. The author emphasizes that a new productive opinion on interaction and the symbiosis of fashion and art has been formed in the modern science. Following the results of the analysis carried out, the comparison of fashion shows and fashion expositions of the costume in the museums, the author as positions them as two different formats of representation promoting the transformation of the designers' works into the works of modern art with their own features of postmodern culture. The obtained results prove that the fashion and the art are two different phenomena being in the complicated symbiotic relations nourishing each other.

Keywords: fashion industry, design, costume, modern art.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ИСКУССТВО В МОДЕ ИЛИ МОДА НА ИСКУССТВО: КОНТЕКСТ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Лагода О.Н., канд. искусствоведения, доцент
Черкасский государственный технологический университет,
Украина

Примеры сотрудничества художников и дизайнеров, в результате которого были созданы образцы костюма, признанные произведениями современного искусства, демонстрируют способы и приемы взаимодействия искусства и моды в процессах создания и репрезентации дизайнерских вещей. Автор акцентирует внимание на том, что в современной науке сформировался новый продуктивный взгляд на взаимодействие, симбиоз моды и искусства. По результатам проведенного анализа, сопоставления показов мод и экспозиций костюма в музеях, автор позиционирует их как два разных формата репрезентаций, которые способствуют преобразованию дизайнерских вещей в произведения современного искусства с присущими им признаками постмодернистской культуры. Полученные результаты доказывают, что мода и искусство – это две разные сущности, находящиеся в сложных симбиотических отношениях и подпитывающие друг друга.

Ключевые слова: индустрия моды, дизайн, костюм, современное искусство.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.929>

Впервые, еще в середине XIX века, Теофиль Готье – поэт-романтик, художественный критик и блестящий журналист, – в своей книге «Мода как искусство» обозначил особенные отношения между искусством и модой. Он считал, что модная одежда, в которой художники изображали своих современников на полотнах, вдохновляла их на создание удивительных образов. Оригинальные силуэты конструировали тела, придавая им особую привлекательность, цвет и фактуры, декор и украшения возбуждали фантазию в поиске идеала женской красоты. Сформировавшееся в то время высокое мастерство ремесла *haute couture* Т. Готье ставил в один ряд с искусством [1].

Платья *haute couture* («от-кутю») стали приравнивать к произведениям искусства, в частности, благодаря исключительному таланту Чарльза Ворта, которому удалось не просто подняться над обыденностью в одежде, но и преодолеть саму ее сущность. Профессионализм кутюрье стал практически точкой отсчета в развитии дизайна одежды и обозначил доминирующие принципы формо- и стилиобразования на весь последующий период. Ремесло высочайшего качества не просто

приравнивали к искусству, но стали называть модой, употребляя слова «от-кутю» и «мода» как синонимы. Очевидно, если бы термин «дизайн» в то время уже существовал, он также был бы в этом синонимическом ряду.

Ремесло, сохраняя свой прикладной характер, ориентировалось на эксклюзивность и элитарность и развивалось по законам искусства. Однако мода всегда стремилась к массовости. В этой ситуации высокая мода как искусство, отдельные произведения которого доступны лишь незначительному количеству людей, демонстрировала своеобразный конфликт интересов. В самом искусстве, в целом, складывалась идентичная ситуация: конец XIX – начало XX века демонстрировал активизацию художественных процессов, вследствие которых возникло множество векторов развития искусства, формировалась культура потребления, а эстетические предпочтения, как и в одежде, концептуализировались.

В современных условиях *haute couture* является одним из сегментов индустрии моды, модели одежды которого при определенных условиях могут быть адаптированы для серийного производства другим

сегментом – *pret-a-porter* («pret-a-porter»). Эти сегменты соотносимы как элитарная и массовая культуры. Об этом достаточно красноречиво сказал В. Юдашкн: «Сезонные коллекции *pret-a-porter* – продукт скоропортящийся... Завтра уже никому не нужны вчерашние коллекции. Искусство *haute couture* – совсем другое... Это эксперимент, реализация фантазий дизайнера. Оно сродни творчеству художников, скульпторов, музыкантов. Модели *haute couture* – это произведения искусства, воплощенные в ткани...» [2]. Это одна из точек зрения: мода как индустрия имеет два сегмента – *haute couture* и *pret-a-porter*, среди которых один – равный искусству, а второй – является бизнес-проектом, который черпает свое вдохновение в нем.

В истории костюма XX в. есть множество примеров, которые не просто иллюстрируют влияние искусства на моду или же моду на искусство, но и демонстрируют, так называемые коллаборации – уникальные образцы сотрудничества художников и дизайнеров. Еще С. Дали вместе с Э. Скиапарелли в свое время создали целую галерею знаковых модных вещей. П. Мондриан своими рабо-

тами вдохновлял И. Сен-Лорана на создание уникальных платьев. Энди Ворхол в 1990-х гг. создал уникальный флакон известнейшего парфюма Chanel № 5, что сделало его еще более популярным. Такие талантливые дизайнеры одежды как Дж. Гальяно и А. Маккуин в своем творчестве всегда демонстрировали теснейшую связь с искусством, творили и мыслили как художники-модернисты, утонченно и изысканно соединяя в ярких шоу – показах модных коллекций искусство и моду. Об их опыте можно говорить бесконечно долго, ведь оба вошли в историю модной индустрии как самые эпатажные модельеры XXI века [3-4].

В 2007 г. Дж. Гальяно использовал как принт на юбке белоснежного платья одну из самых известных гравюр японского художника К. Хокусая «Большая волна с Канагава» (рис. 1). Французский дизайнер Ж.Ш. де Кастельбажак в коллекции 2011 г. использовал как принт на платье известную работу М. Рея. Фотограф, как известно, имел собственный взгляд на женскую красоту и моду. Он постоянно экспериментировал с фотоизображениями, на которые его, в частности, вдохновило полотно Ж.О. Д. Энгра. Дизайнер использовал фотографию Алисы АрнестиныПрен, больше известной как Кики с Монпарнаса, актрисы, певицы и натурщицы, на которой очертания тела ассоциируются с корпусом скрипки. В 2013 г. Ж.Ш. де Кастельбажак обратился к живописным полотнам Дж.Е. Милле. Фрагмент портрета «Подружка невесты» стал принтом на одежде, но само лицо девушки дизайнер припрятал за большим черным крестом (рис. 2-3).

Дизайнерский дуэт Dolce&Gabbana свою коллекцию 2013-2014 г. создал, используя изысканные мозаики одного из образцов мировой архитектуры – кафедрального собора Монреале из сицилийской провинции Палермо. Используя копии изображений, дизайнеры сделали их более колоритными, декоративно-контрастными. Текстуры и фактуры использованных тканей, их декор визуально напоминали сами фрески (рис. 4).

Художники и дизайнеры вдохновляют друг друга своим творчеством.

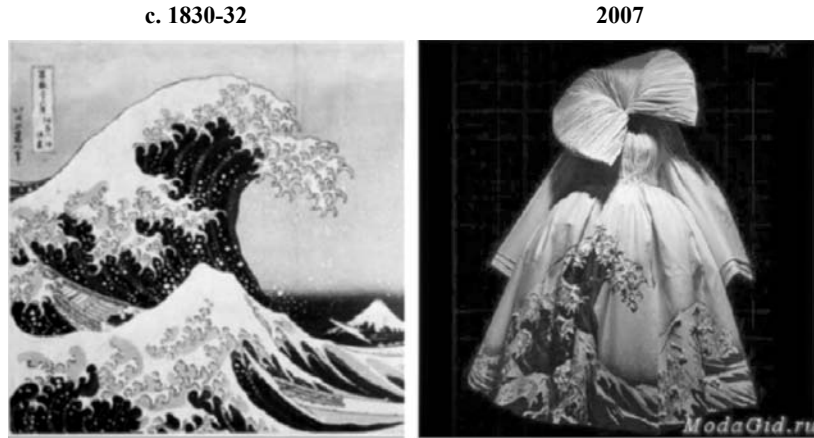

Рис. 1. К. Хокусай. Гравюра «Большая волна с Канагава». Дж. Гальяно. Платье из коллекции 2007 г.

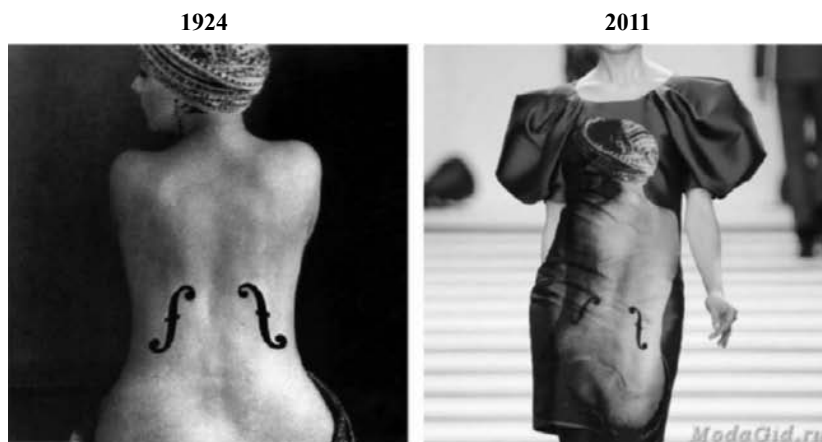

Рис. 2. Фотография М. Рея. Ж.Ш. де Кастельбажак. Платье в коллекции 2011 г.

Рис. 3. Дж.Е. Милле. Фрагмент полотна «Подружка невесты». Ж.Ш. де Кастельбажак. Платье в коллекции 2013 г.

К примеру, М. Джейкобс разработал в 2013 г. коллекцию для LouisVuitton под впечатлением инсталляции Д. Бурана. Сам же художник-концептуалист создал декорации для шоу дизайнера на неделе моды в Париже: зеркальную площадку в клетку с четырьмя эффектными эскалаторами. Главный принт «шахматная доска» был доведен М. Джейкобсом до концептуального

абсурда в розовых, оранжевых и лимонно-желтых тонах (рис. 5).

Особой декоративностью и контрастностью отличается коллекция Prada 2014 г., в которой дизайнер М. Прада использовала мотивы работ современного иллюстратора из Парижа Ж. Детеллан и бруклинского стрит-арт художника Г. Спектр. Сами же художники оформили пространство,

с. 1170

2013

Рис. 4. Фрагмент мозаики кафедрального собора Монреале в Палермо. Модель из коллекции Dolce&Gabbana 2013-2014 г.

Рис. 5. Инсталляция Д. Бурена. М. Джейкобс. Показ коллекции для LouisVuitton 2013 г.

в котором коллекция была представлена публике. Показ был фееричным, очень динамичным и ярким, а отдельные вещи воспринимались как произведения современного искусства (рис. 6).

В практике К. Лагерфельда, Й. Ямомото, Ж.П. Готье и других в последние годы проявилась яркая тенденция к показам коллекций в стенах музеев современного искусства. Дизайнеры свободно интерпретируют мотивы работ художников, фрагментарно используют, изменяя масштаб, свободно реализуют в различных материалах, как декоративные элементы, и делают это очень изысканно. Благодаря таким приемам интерпретации обыкновенные вещи становятся самодостаточными арт-объектами, воспринимаются как произведения современного искусства с присущими им характерными чертами постмодернистской культуры. К примеру, коллекция Р. Тиши по мотивам работ Г. Климтана 2014 г. (рис. 7).

Мода все чаще проникает в сакральное пространство искусства – в музеи. Осенью 2013 г. одним из значимых событий стала выставка «Impressionism&Fashionism» в музее д'Орсе в Париже [5]. За последние годы состоялся ряд уникальных концептуальных и организационных проектов-выставок, таких как: «Александр Маккуин: дикая красота», «Ив Сен Лоран: ретроспектива», «Мир моды Жана Поля Готье: от тротуаров до подиума» и др. Указанная тенденция на постсоветском пространстве наиболее ярко прозвучала в стенах музея им. А.С. Пушкина в Москве, в частности выставки: «Творить, чтобы жить. Мир костюма Роберто Капуччи» 2006 г., «Шанель. По законам искусства» 2007 г., «Diog: под знаком искусства» 2011 г. и одна из последних – «Валентин Юдашкин. Мода в пространстве искусства» 2013 г. В экспозициях, обычно, кроме костюмов представлены живопись, графика, скульптура, часто – фотографии, иллюстрации, объекты киноискусства (рис. 8-9).

Статичность экспозиций костюмов в пространстве музеев, где сама среда способствует осмысленному созерцанию вещей, является достиже-

нием не только искусства haute couture, но и экспозиционного дизайна. Репрезентативность в контексте музейных экспозиций изменяет смысловую нагрузку вещей и, тем самым, формирует новые образы, новые смыслы костюмов как произведений искусства: «...сейчас пришло время моды, когда она, возможно, получит статус искусства, но в основном, этот переход уже состоялся...» [6].

Тесное взаимодействие и взаимовлияние моды и искусства как явлений, как двух автономных миров, стали предметом изучения значительного числа современных исследований [7-9], большинство из которых носят междисциплинарный характер. Взаимопроникновение моды и искусства на протяжении двух последних столетий учеными рассматривается с точки зрения красоты, этики и эстетики, аутентичности, телесности, модернизма, перформативности выставочных экспозиций. Анализируются как концептуальная мода, так и одежда как предмет искусства, изображения в моде и искусстве. Основной акцент в исследованиях их авторы делают не на размежевании моды и искусства, а на изучении их симбиоза. В XX веке отношения между модой и искусством изменили свой характер. Мода играет ключевую роль в популяризации искусства, в интерпретации его мотивов и их репрезентации тем, кто в обыденной жизни по разным причинам с искусством не связан. Мода сама становится предметом искусства в рамках разнообразных выставочных проектов. Границы между элитарным и массовым все больше стираются, а мода в этом контексте претендует на равный искусству статус. В целом, вопрос равенства статусов, а тем более тождественности моды и искусства – не главный для исследователей. Важнее, что именно позволяет одежде быть одновременно и тем, и другим, как этого достигают дизайнеры, какой специфический язык способствует сближению моды и искусства? По мнению автора, ответы кроются в сопоставлении разных форматов репрезентации модного костюма, в традиционных показах и музейных экспозициях в частности...

Рис. 6. Ж. Детеллан и Г. Спектр. Оформление подиума на показе Prada 2014 г. Модель из коллекции.

Рис. 7. Модели из коллекции Р. Тиши по мотивам работ Г. Климта. 2014 г.

Рис. 8. Фрагмент экспозиции выставки «Diog: под знаком искусства». Москва 2011 г.

Рис. 9. Фрагмент экспозиции выставки «Валентин Юдашкин. Moda в пространстве искусства». Москва 2013 г.

References:

1. Got'e, Teofil' Moda kak iskusstvo [Fashion as the art]., translation from French by V. Mil'china., [Electronic resource]., Access mode: <http://www.litru.ru/?book=55824&description=1>

2. ZhukJa. Iskusstvo, voploshhennoe v tkani: interv'ju s V. Judashkinym [Art, embodied in the fabric: an interview with V. Yudashkin]., [Electronic resource]., Access mode: <http://www.profile.ru/kultura/item/77576-valentin-yudashkin-«vysokaya-moda-srodnitvorchestvu-khudozhnikov-skulptorov-muzykantov»-775>

3. Daron, Diana. Art and Fashion., [Electronic resource]., Access mode: <http://dianadaron.ru/iskusstvo-i-moda/>

4. Moda i iskusstvo – vzgljad v proshloe [Fashion and Art - look at the past]., [Electronic resource]., Access

mode: <http://modagid.ru/articles/2195>

5. Moda i iskusstvo na vystavke «Impressionism & Fashionism» [Fashion and art at the exhibition «Impressionism & Fashionism»]., [Electronic resource]., Access mode: http://yogalifejournal.com/day_by_day/2012/11/02/moda_i_iskusstvo_na_vystavke_impressionism_fashionism

6. Kollekcija Prada vesna-letu 2014 g. [Prada's Spring-Summer Collection 2014]., [Electronic resource]., Access mode: <http://buro247.ru/fashion/expert/obzor-buro-24-7-prada-vesna-letu-2014.html>

7. Fashionandart Adam Geczy and Vicki Karaminas (eds). – Oxford, New York., Berg, 2012. – 224 P.

8. Judinceva, Vera. Moda i iskusstvo: 200 let vmeste [Fashion and Art: 200 Years Together]. TEORIJA MODY. Odezhdha. Telo. Kul'tura [Fashion

theory. Clothing. Body. Culture]. No. 26 (2012-2013)., [Electronic resource]., Access mode: <http://www.nlobooks.ru/node/2985>

9. Vinken, Barbara. Iskusstvo i moda – ljubovnaja para [Art and fashion - love couple]; translation from German by M. Ukolovoj [Electronic resource]., Access mode: <http://www.noezis.com/perevod/kunst-und-mode-sind-ein-liebespaar>

Литература:

1. Готье, Теофиль. Moda как искусство; пер. с фр. В. Мильчиной [LITRU.RU – эл. библиография]., режим доступа: <http://www.litru.ru/?book=55824&description=1>

2. Жук Я. Искусство, воплощенное в ткани: интервью с В. Юдашкиным [электронный ресурс]., режим доступа: <http://www.profile.ru/kultura/item/77576-valentin-yudashkin-«vysokaya-moda-srodnitvorchestvu-khudozhnikov-skulptorov-muzykantov»-775>

3. Daron, Diana. Art and Fashion [электронный ресурс]., режим доступа: <http://dianadaron.ru/iskusstvo-i-moda/>

4. Moda i iskusstvo – vzgljad v proshloe [электронный ресурс]., режим доступа: <http://modagid.ru/articles/2195>

5. Moda i iskusstvo na vystavke «Impressionism&Fashionism» [эл. ресурс]., режим доступа: http://yogalifejournal.com/day_by_day/2012/11/02/moda_i_iskusstvo_na_vystavke_impressionism_fashionism

6. Коллекция Prada весна-лето 2014 г. [электронный ресурс]., режим доступа: <http://buro247.ru/fashion/expert/obzor-buro-24-7-prada-vesna-letu-2014.html>

7. Fashion and art., Adam Geczy and Vicki Karaminas (eds). – Oxford; N.Y.: Berg, 2012. – 224 p.

8. Юдинцева, Вера. Moda i iskusstvo: 200 let vmeste., ТЕОРИЯ МОДЫ. Одежда. Тело. Культура № 26 (2012-2013) [эл. ресурс]., режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2985>

9. Винкен, Барбара. «Искусство и мода – любовная пара»; пер. с нем. М. Уколовой [эл. ресурс]., режим доступа: <http://www.noezis.com/perevod/kunst-und-mode-sind-ein-liebespaar>

Information about author:

Oksana Lagoda - Candidate of Art History, Associate Professor, Doctoral Candidate, Cherkassy State Technological University, address Ukraine, Cherkasy city; e-mail: lagoda_oxana@mail.ru

TRADITIONAL DANCING CULTURE
OF THE KAZAKH PEOPLE

S. Tleubayev¹, Doctor of Culturology, Doctor of Philosophy,
Full Professor
B.S. Tleubayeva², Candidate of Education, Associate Professor,
Head of a Chair
G. Shagitova³, Senior Lecturer
Regional Academic Innovation University, Kazakhstan¹
M. Auezov South Kazakhstan State University, Kazakhstan^{2,3}

The paper deals with the development of modern dance culture, the continuity of traditions of Kazakh people. Folk customs and traditions arise from the demands of life in the course of productive activities of people. Traditions and customs reflect the national image of the nation, people's temper, way of life, culture. Universally recognized techniques are tools and methods that are used in the education of the younger generation.

Keywords: culture, dance, traditions, customs.

Conference participants

ТРАДИЦИОННАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА

Тлеубаев С.Ш.¹, д-р культурологии, д-р филос. наук, проф.
Тлеубаева Б.С.², канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой
Шагитова Г.Ж.³, ст. преподаватель
Региональный академический инновационный университет,
Казахстан¹
Южно-Казахстанский государственный университет
им. М. Ауэзова, Казахстан^{2,3}

В статье рассмотрены вопросы развития современной танцевальной культуры, преемственности традиций казахского народа. Народные обычаи и традиции возникают из потребностей жизни в процессе производственной деятельности людей. В традициях и обычаях отражен национальный облик народа, их носителя: нравы, быт, культура народа. Общепризнанные приемы: средства, методы, которые используются в воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: культура, танец, традиции, обычаи.

Участники конференции

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.930>

В одном из ежегодных посланий народу Казахстана Президент Н.А. Назарбаев подчеркнул важную роль традиций в жизни каждого народа: «...Их роль в жизни народа неоспорима. Культурные традиции всегда были источником социально-го возрождения... Именно традиции позволяют человеку «не потеряться», а приспособить свой образ жизни к стремительным изменениям современного мира» [1].

Многие исследователи однозначно называют танец определенной нации народным танцем. Как справедливо считает исследователь казахского танцевального искусства С.Ш. Тлеубаев [2, с. 52-54], интерпретация указанного феномена не ставит знака равенства между содержаниями понятий «нация» и «народ», ибо последнее меняется на разных исторических этапах. Народный танец, по мнению автора, основан на этнопластических константах, сформированных на самых ранних этапах зарождения этноса и составляющих инвариантную основу танцевальных традиций того или иного народа. Танец как культурное явление выступает своеобразным текстом, отражающим тип и особенности культуры данного этноса в определенную культурно-историческую эпоху с помощью своего особого пластического языка.

Самобытная танцевальная культура казахского народа непосредственно

связана с традициями, музыкальным фольклором, свадебными обрядами, сопровождающимися играми-соревнованиями и др. «Хотя многие канонические формы древних плясок не дошли до нас, в памяти народа остались их сюжетная тематика, традиционные увлечения многих поколений, идеалы танцевальной пластики, ибо этот вид искусства у казахов никогда не ограничивался определенной, раз и навсегда выработанной системой жестов, движений и «механикой» танца, – пишет С. Тлеубаев. – Изучение фольклора, памятников материальной культуры, письменных источников, лексикона самого казахского языка дает основание утверждать, что танцы, будь это – шаманские, плясовые или игровые состязательные, сопровождали весь процесс развития казахского общества с глубокой древности до наших дней, обогащая его духовную культуру» [там же, с. 64].

Говоря о народных традициях, отметим: проблема выявления сущности традиций как сложнейшего, закономерного социального явления и их влияния на все стороны жизни общества нашла свое отражение в исследованиях известных отечественных и зарубежных ученых. Каждый из них внес свой вклад в теорию и практику проблемы использования традиций в том или ином виде народного творчества.

Как показывает анализ исследований, проведенной казахской ученой

М.С. Магауовой [3, с. 13-17], понятие «традиции» многогранно. Исследователем выявлено три основных подхода к проблеме выяснения сущности традиций в философской литературе. Представители первого подхода (Э.А. Баллер, Э.С. Маркарян, В.Д. Плахов и др.) понимают традицию в широком смысле, отождествляя её с социокультурной преемственностью, социальными законами, групповыми стереотипами. Представители второго подхода (С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромплей, И.В. Суханов и др.) ограничивают объем понятия «традиция» сферой общественного сознания. Согласно мнению представителей третьего подхода (Л.П. Буева, В.Б. Власова, В.А. Кочетов и др.), традиция является средством социализации и творческим фактором практики повседневной жизни, выражением предметного мира человеческих отношений и деятельности.

Проблемам исследования народных традиций, их места и роли в современной культуре, взаимодействия унаследованных ценностей и духовных инноваций, соотношения традиций и новаций, связи традиций и творчества посвящены работы Н.С. Сарсенбаева, Б.С. Сайдахметова, С.А. Узакбаевой, Ж.К. Хайрушина и др.

Б.С. Сайдахметовым дается соотношение понятий «обычай» и «традиция». **Обычай**, – в определении учебного, – «...есть исторически сложив-

шиеся более или менее устойчивые нормы общественного поведения людей, их образа жизни и быта, которые передаются от поколения к поколению и охраняются силой общественного мнения. Обычай есть исторически сложившиеся устойчивые нормы общественных отношений в быту людей... **Традиции** – это исторически сложившиеся устойчивые и наиболее обобщенные нормы и принципы общественных отношений людей, передаваемых из поколения в поколение и охраняемые силой общественного поведения» [4].

Народные обычаи и традиции возникают из потребностей жизни в процессе производственной деятельности людей. Устанавливая более или менее устойчивые нормы и принципы общественного поведения людей, они имеют большое познавательное значение. В традициях и обычаях отражен национальный облик данного народа, их носителя: нравы, быт, культура народа, общепризнанные приемы, средства, методы, которые использовались и используются в воспитании детей и молодежи.

Таким образом, анализ источников показал, что понятие «традиции» шире, чем понятие «обычай». Ученые рассматривают понятие «традиции» в различных значениях: 1) средство социализации личности; 2) часть социально – педагогической среды; 3) фактор формирования личности; 4) форму передачи новым поколениям способов реализации сложившихся взаимоотношений.

Направлению нашего исследования импонирует последнее определение. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас из глубины веков традиционные казахские народные танцы, в которых прослеживаются мотивы жизненного уклада степного народа.

Традиционные народные танцы казахов по сюжетной направленности, характеру и манере исполнения подразделяются на следующие группы:

Ритуально-обрядовые – «Баксы ойыны», «Айқосақ» (пляски баксы), «Жезтырнақ» (пляска ведьмы), «Буын-би» (танец суставов), «Жар-жар» (пляска с одноименной ритуальной песней), «Қоштасу» (прощание невесты с подругами), «Айда, былпым»

(танец молодухи), «Келіншек» (танец молодухи с парнем), «Шалқыма» (танец на каблуках);

Воинственно-охотничьи – «Сайыс» (поединок), «Ақат» (танец по мотивам древней мужской пластики), «Қлышпен-би» (танец с саблей), «Мерген» (танец с луком), «Қоян-бүркіт» (заяц и беркут), «Құсбегі – дауылпаз» (танец с ловчей птицей и дауылпазом);

Бытовые подражательные – «Өрмек-би» (танец ткачей), «Өртеке» (танец козла-прыгуна), «Қаражорға» (бег иноходца), «Тепен-көк» (бег скакуна);

Массовые – «Алқа-қотан» (бок о бок), «Алтынай», «Кербез-би», «Ырғақты», «Қаз-қатар», «Балбрауын», «Ұтыс-би», «Кокпар», «Қосалқа», «Шашу» и др.

К самобытным, наиболее характерным особенностям казахского танца относится их исполнение под аккомпанемент домбры, кобыза, дангры. Традиционность проявляется и в экспрессивности исполнения, резкости движений, подвижности суставов. Обязателен собранность корпуса в мужских, гибкость талии, пластика рук – в женских танцах. Не каждый джигит мог ловко исполнить специфичную пляску на коне. Такое мастерство было доступно лишь наиболее одаренному танцовщику, джигиту-наезднику. Для казахского народного танца традиционны ночные хороводы вокруг костров у алтыбакана – переносных качелей и т.д.

В арсенале казахского музыкального фольклора так называемых «бикүйі» – танцевальных ритмов, бытует традиционная терминология народного танца. На казахском языке слово «би» означает – танец, «билеу» – танцевать.

Из литературных источников и воспоминаний современников известно: искусством народного танца в прошлом владели в совершенстве многие певцы-импровизаторы. В их числе – известный певец Берикбол Копенов, прозванный Ағаш-аяқ (деревянной ногой), за умение танцевать на ходулях, Шашубай Кошкарбаев, Жунусбек Жолдинов, Карсак Копабаев и многие другие. Певцы-импровизаторы были желанными на всех празднествах, яр-

марках, где устраивались театрализованные танцы с пением, танцы-игры, показывающие силу и ловкость плясун, представления, сопровождаемые пантомимой и шутками [5, с. 12-16].

Узбекали Джанибеков, рассказывая об известном в павлодарском Прииртышье народном акыне Жунисбеке Жолдинове, восхищался его движениями и мимикой, который в танце мог изобразить устремленный полет и охоту беркута – древнего символа мужества и благородства, его гордо посаженную голову, грозный взгляд, стальные когти, размах крыльев. Жолдинов прекрасно выполнял пластические рисунки и основные движения многих других традиционных старинных танцев, таких как «Айқосақ», «Жезтырнақ», «Қлышпен-би», «Балабүркіт», «Казахско-калмыцкий танец», «Қусбегі», «Алқа-қотан» и др.

Характеризуя традиционность казахского народного танца, знаток этнической культуры и искусства казахов У. Джанибеков, в своих воспоминаниях особо подчёркивал, что в отличие от некоторых других мусульманских народов, казахи имели в прошлом парные танцы, исполняемые юношей и девушкой. Например, «Келіншек», «Қоян-бүркіт», плясовую песню «Кто знает, о чем вы» и др., хотя специальных школ по танцам в степях, разумеется, не было. Как свидетельствуют письменные источники, отдельные роды, племена имели своих мастеров-танцовщиков (құлар) на положении придворных шутов, забавников – комиков, трюкачей типа узбекских «маскорпазов».

Не менее интересно его воспоминание об услышанном однажды в Шымкенте, на вечере-диспуте из уст самого Мухтара Ауэзова про искусство исполнителей народного танца «Өртеке», бытовавшего, по всей вероятности, у казахов и их предков с незапамятных времен и исполнявшегося странствующими танцовщиками – өртекешілер, изображавшими диких козлов, попавших нечаянно в овраг. Сюжетная линия этого танца прослеживается и на некоторых наскальных рисунках, в легендах и преданиях, дошедших до наших дней.

Таким образом, изучение воспоминаний современников, фольклора,

памятников материальной культуры, письменных источников, лексикона самого казахского языка дает основание утверждать, что народные танцы, сопровождали весь процесс развития казахского общества с глубокой древности до наших дней, обогащая его духовную культуру и, сохраняя традиции, развивают современную танцевальную культуру.

References:

1. Nazarbaev N.A. Novoe desjatiletie–novyj jekonomicheskij pod#em–novye vozmozhnosti Kazahstana [New Decade, New Economic Growth, New Opportunities of Kazakhstan], [Electronic resource], Ministry of Culture and Information of RK., Message to the People of Kazakhstan (29 January 2010., Astana)., Access mode: <http://www.mk.gov.kz/kaz/poslaniya/>
2. Tleubaev S.Sh. Tanceval'no-igrovaja kul'tura (narodov Central'noj Azii) [Dance's culture of the Central Asia peoples], Monograph. – Moskva., Publisher «MGUKI», 2013. - 87 P.
3. Magauova A.S. Progressivnye tradicii narodnoj pedagogiki i ih rol' v

razvitiu lichnosti [Progressive traditions of folk pedagogy and their role in personality development] Bulletin of the Semey University - No. 1., 1997., pp. 12-17.

4. Sajdahmetov B.S. Narodnye tradicii - osnova vospitanija - Professional Kazahstana. Nauchno-metodicheskij zhurnal [Folk traditions - the basis of education - Kazakhstan professional. Scientific-methodical magazine]. - Almaty, 2008. - No. 1 (56)., pp. 39-41.

5. Abirov D. Istorija kazahskogo tanca [History of Kazakh dance]. Textbook – Almaty., Sanat, 1997. - 157 P.

Литература:

1. Назарбаев Н.А. Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности Казахстана. [Электронный ресурс] // Министерство культуры и информации РК: [сайт]. URL: <http://www.mk.gov.kz/kaz/poslaniya/> Послание народу Казахстана (29 января 2010 г., Астана).
2. Тлеубаев С.Ш. Танцевально-игровая культура (народов Центральной Азии) Монография. – Москва., издательство «МГУКИ», 2013. - 87с.

3. Магауова А.С. Прогрессивные традиции народной педагогики и их роль в развитии личности., Вестник университета «Семей». - № 1., 1997. - с. 12-17.

4. Сайдахметов Б.С. Народные традиции - основа воспитания., Профессионал Казахстана. Научно-методический журнал. - Алматы, 2008. - №1 (56). с. 39-41.

5. Абилов Д. История казахского танца. Учебное пособие – Алматы: Санат, 1997, 157 с.

Information about authors:

1. Seralu Tleubayev - Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Full Professor, Academic Innovation University; address: Kazakhstan, Shymkent city; e-mail: tleubayev63@list.ru
2. Balzhan Tleubayeva - Candidate of Education, Associate Professor, Head of a Chair, M. Auezov South Kazakhstan State University, address: Kazakhstan, Shymkent city; e-mail: bal_67@list.ru
3. Gulnar Shagitova - Senior Lecturer, M. Auezov South Kazakhstan State University; address: Kazakhstan, Shymkent city e-mail: bal_67@list.ru

OBJECTIVIZATION OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPES IN THE "INTOLERANCE LANGUAGE": MEDIA-COMMUNICATIVE ASPECT

N. Varekh, Postgraduate Student
Dnipropetrovsk National University named
after O. Gonchar, Ukraine

In the report the author considers the phenomenon of ethnocultural stereotyping in relation to the functioning of the language of intolerance in the mass media. Communicative features and forms of intolerant statements in the media discourse are characterized. The category of strangeness at the same being the semantic-forming basis of ethno-cultural stereotypes is presented as the semantic foundation of the intolerance language.

Keywords: ethno-cultural stereotypes, the intolerance language, media discourse, the Friend/Foe opposition, communication.

Conference participant

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В «ЯЗЫКЕ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ»: МЕДИА-КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Варех Н.В. аспирант
Днепропетровский национальный университет
им. Олеса Гончара, Украина

В данной статье рассмотрено явление этнокультурной стереотипизации в связи с функционированием языка интолерантности в масс-медиа. Охарактеризованы коммуникативные особенности и формы проявления интолерантных высказываний в медиадискурсе. В качестве смысловой основы языка интолерантности представлена категория Чуждости, одновременно являющаяся семантикообразующей основой этнокультурных стереотипов.

Ключевые слова: этнокультурные стереотипы, язык интолерантности, медиадискурс, оппозиция Свой/Чужой, коммуникация.

Участник конференции

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.931>

Гуманитарная наука, и в частности, коммуникативистика, рассматривает язык как инструмент, который играет важную роль в процессах приобретения, обработки, передачи, хранения человеком информации о самом себе и об окружающем мире. С помощью языка объективируются результаты мыслительных процедур, эксплицируются когнитивные структуры различных типов, которые вне языка «оставались бы в «черном ящике» человеческого сознания» [3]. Именно поэтому актуальным, важным и методологически оправданным считаем рассмотрение этнокультурных стереотипов как особых ментально-когнитивных единиц в связи с их репрезентацией в определенных языковых формах.

Объектом нашего исследования является язык интолерантности как особый функциональный вид любого национального языка. Предметом – вербализованные негативные этнокультурные стереотипы как средства выражения интолерантности в языке.

Целью исследования является изучение языка интолерантности как социокоммуникативного феномена, бытующего в медиа-среде. Реализация цели предполагает решение следующих задач: определение коммуникативных особенностей языка интолерантности, анализ форм проявления интолерантности в медиадискурсе; рассмотрение вербализованных этнокультурных гетеростереотипов,

вербализованных посредством языка интолерантности.

Заметной тенденцией в медиакосмосе современного общества является рост количества негативных высказываний, касающихся различных сфер человеческой жизнедеятельности. «Практика СМИ показывает, – отмечает в этой связи О.Горбачова, – что журналисты, которые являются частью общества, часто концентрированно выражают стереотипы массового сознания, распространяя, с одной стороны, терпимость, а с другой – озлобленность и интолерантность к определенным категориям и группам» [1].

Достаточно ощутимым язык интолерантности является в области межэтнических отношений, которая сегодня характеризуется повышенной конфликтностью. При этом не всегда агрессивный медиадискурс свидетельствует о реальных межэтнических столкновениях в обществе, имеющих место только в горячих точках планеты.

С помощью языка интолерантности реализуется коммуникативная стратегия дистанцирования от «чужих народов», что проявляется в высмеивании и унижении представителей иноэтнических групп, Эксперты информационно-аналитического центра «СОВА», который осуществляет систематический мониторинг языка интолерантности в тиражных СМИ, различают две ее формы – жесткую и

мягкую. Жесткая форма касается непосредственных или завуалированных призывов к дискриминации определенных этнических или религиозных групп. Мягкая форма проявляется в формировании негативного имиджа «Чужого», акцентировании на его моральных или физических недостатках, цитировании ксенофобских высказываний [7].

Как отмечает исследовательница А. Евстафьева, «функционирование в сфере масс-медиа текстов с признаками «языка интолерантности» имело место еще в XIX веке, оно было связано с возникновением первых инструментов трансляции информации для массового слушателя или зрителя (радио, телевидение)» [4]. Впрочем, особое распространение явление языковой дискриминации получило лишь в начале XXI века в условиях глобализации коммуникативного пространства и медиатизации межэтнических конфликтов. В то же время терминологически оформился и концепт «язык интолерантности», ставший объектом изучения журналистиковедения, теории межкультурной коммуникации, теории речевых жанров и актов, экспрессивной стилистики и, наконец, теории социальных коммуникаций. Актуализация изучения «языка интолерантности» непосредственно связана с той ролью, которую «взяли на себя современные СМИ, заняв не просто центральное поло-

жение в культуре, а обозначив в ней свое абсолютное господство и выразив его через свой язык, который стал реальным механизмом деконструкции национальных традиций и конструирования новых способов социальной адаптации, представленных в лексике и грамматике интолерантности» [2].

Термин «язык интолерантности/ язык вражды» коррелирует с концептами «ксенофобия» и «политическая некорректность», которые, по мнению В.Я. Савончак, комплексно соединились в нем для обозначения «способа языкового конструирования моделей и практик социального неравенства» [9].

Язык СМИ является средством создания картины мира в индивидуальном и общественном сознании, инструментом формирования общественного мнения. Важным сегментом этой картины мира является сфера межэтнических отношений, которая охватывает темы национальной идентичности, национальной локализации, а зачастую и дистанцирования от иноэтнических групп. Национальное является весомым компонентом мировоззрения каждого человека, и поэтому столь важно влияние медиадискурса на формирование духовной сферы общества в ее национальном аспекте. При этом вызывает беспокойство тот факт, что «язык, на котором сегодня говорят с обществом СМИ, является значительной проблемой, которая проявляется в нетерпимости и ксенофобии» [9].

Для сферы межэтнических отношений, представленной в медиакommunikации, язык интолерантности реализуется путем вербализации основополагающей культурной оппозиции свой / чужой, которая, по выражению М.В. Гречихина, с одной стороны, делает возможным «процесс опознания социального имени человека, его локализацию в социуме и в языке», а с другой, определяет Чужого как неприемлемого, странного, заслуживающего осуждения и пренебрежения [2]. В основе указанного приема «навешивания ярлыков» лежит механизм стереотипизации, позволяющий связывать в массовом сознании то, что не является соотносимым в действительности.

Язык интолерантности является коммуникативно-речевым механиз-

мом, направленным на снижение статуса Другого. Его характерными чертами являются негативная семантика высказывания и конкретная адресность, предполагающая ориентацию на представителей иноэтнических групп (например, «чтобы самому не опуститься ниже папуасов и гондурасцев» – UNIAN [5]). И хотя ученые еще не пришли к консенсусу относительно объема понятия «язык интолерантности» и в отношении явления, им обозначаемого, в научном употреблении представлен целый ряд синонимов типа «речевая агрессия», «речевая демагогия», «языковое насилие», «речевой конфликт», «язык вражды», мы считаем применяемый нами термин наиболее релевантным явлению этнокультурной стереотипизации, так как он указывает на вербализацию ментальных процессов, приводящих к образованию конфликтных стереотипных представлений.

Кроме того, существует возможность рассмотреть языковую интолерантность в противопоставлении ее языковой толерантности, которая может стать маркером корректирования негативных этнокультурных стереотипов.

Язык интолерантности характеризуется рядом коммуникативных особенностей.

Во-первых, он имеет монологический характер, соответствующий субъект-объектной формуле коммуникации, или, другими словами, формуле коммуникационного управления. Указанная особенность в значительной степени препятствует продуктивному межкультурному диалогу, воздействует на способ формирования социальной идентичности человека, закрытой по отношению к инокультурным влияниям. Указанная идентичность вбирает в себя черты авторитарной личности, для которой характерен стереотипный взгляд на вещи.

Во-вторых, он способствует расширению ментально-когнитивного пространства «Своего» за счет сужения пространства «Чужого».

В-третьих, специфическим является характер участников коммуникативного воздействия, связанного с трансляцией «языка интолерантности»: как правило, в медиадискурсе

моделируется взаимодействие группы с группой, поскольку на первый план выдвигается «социальное» в адресанте и адресате, представляющее групповые ценности и интересы.

По мнению А.В. Евстафьевой, в основе языка вражды лежит речевая формула, которая детерминирует продуцирование адресантом информации. Она имеет вид: «Мы враждуем с Вами», модифицируясь в «Мы враждуем с X», «Мы враждуем с ними», «Я вражду с тобой», «Я вражду с ним» и т.п. [4]. Что касается языка интолерантности, то тут действенной оказывается формула, указывающая на неприемлемость Другого. Она может быть представлена следующим предложением: «утверждая наши ценности, мы отрицаем Ваши ценности, как не соответствующие истине». Эти формулы являются стереотипными по характеру. В них мы можем наблюдать довольно ограниченную когнитивную составляющую высказывания и достаточно выразительную оценочную позицию адресанта.

Смысловой основой языка интолерантности выступает категория Чуждости, являющаяся семантикообразующей основой этнокультурных стереотипов. «Одной из основных коммуникативных задач в ситуации межэтнического общения, – пишет в этой связи Т. Ван Дейк, – является оценка представителей “чужого” народа и их действий» (цит. по [11]). Оппозиция Свой/Чужой соответствующим образом ориентирует мировосприятие как ментальную и когнитивную процедуру, проявляясь в речевых формулах интолерантности. Характерно, что конфликтная идея, заложенная в бинарной оппозиции Свой/Чужой, приводит не только к негативной оценке Другого, но и к синкретическому восприятию его мира как лишённого «дискретных признаков». При этом своя культура, свой мир имеют все признаки неповторимости, индивидуальности, разносторонности. В медиадискурсе эта мировоззренческая особенность проявляется в репрезентации, например, Востока как единого целого с присущими ему синкретическими признаками; в применении журналистами таких некорректных словосочетаний, как лица кавказской

национальности, лица ближневосточной внешности, лица славянско-азиатской национальности и т.д.

Негативно маркированные этнономинации касаются, как правило, особенностей национального характера «чужого народа», поведения, стиля жизни, культурных приоритетов, художественных предпочтений, фактов истории.

Среди причин применения языка интолерантности в медиадискурсе мы должны указать на те же факторы, которые вызывают и активное стереотипообразование в сфере журналистской практики. Речь идет об ограниченности логико-когнитивных процедур в процессе создания медиатекста и доминировании экспрессивно-оценочных подходов в представлении информации.

Исследовательница Н.Муравьева также связывает активное применение журналистами интолерантных высказываний с ожиданиями аудитории, которые учитываются профессиональными коммуникаторами. В частности, она отмечает, что механизм читательского интереса выглядит таким образом: интерес ← эмоции ← эмоциогенные ситуации ← приемы и языковые средства, с помощью которых в тексте моделируются такие ситуации из расчета на читательский интерес [6].

Следовательно, в этом контексте и средства языка интолерантности, и стереотипные формулы, лежащие в их основе, могут быть представлены как составляющие технологии текстообразования, которой пользуются журналисты для активизации интереса со стороны аудитории. При этом беспокойство вызывает тот факт, что по своим убеждениям и гражданской позиции журналист может быть вполне толерантным человеком, который не имеет намерений инспирировать межэтническую агрессию или ксенофобию. При этом как языковая личность, профессиональный коммуникатор, пользующийся агрессивными языковыми средствами, он направляет читательское восприятие явлений и событий в русло агрессии и конфликта. Иными словами, имеем тот случай, когда не журналист управляет стереотипами, а стереотипы определяют его речевое поведение. Именно поэтому в наибольшей степени коммуникатив-

ное поле интолерантности наблюдается в тех СМИ, которые ориентируются на адресата, в тех текстах, которые строятся по принципу ярко выраженной оценочности (пример: „Я всей душой выступаю за сохранение украинцев как белой расы и категорически против превращения украинской нации в нацию черных, коричневых, серо-буро-малиновых!“ (Левко Лукьяненко, „Personal Plus“) [5]).

Язык интолерантности объективируется в конкретных речевых формах, среди которых можно назвать дисфемизмы, вулгаризмы, негативные номинации, стилистические снижение, аксиологические дериваты, метафоры и т.д. Все эти языковые средства предполагают суггестию по отношению к реципиенту информации и реализуют заложенный в них потенциал дискредитации, самозащиты, манипулирования, унижения. Так, исследователи констатируют, что английский язык в последнее время пополнился дисфемизмами, обозначающими артефакты из сферы межэтнических конфликтов, которые стилистически снижено подаются в медиадискурсе. В частности, А.Н.Резанова приводит пример применения частотного в английской прессе слова “meatwagon” в значении “ambulance”, что можно объяснить эффектом эмоционального выгорания и коммуникантов, и коммуникатов под воздействием потока сообщений о террористических актах, столкновениях, конфликтах, сопровождающихся человеческими жертвами. Исследовательница подчеркивает, что наибольший интерес журналистов к подобным дисфемизмам наблюдался в период терактов в 2001 году в США и в начале военных действий в Ираке в 2003 году [8].

Ученые также отмечают, что «в последнее десятилетие получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества, отклонения от естественного порядка вещей» [10].

Стоит также отметить, что языковые средства, с помощью которых в тексте подаются этнокультурные гетеростереотипы, имеющие инвективный характер, касаются явления этнонимии. Мы акцентируем на приставке гетеро-, поскольку определяющим для

языка интолерантности, как уже отмечалось, является феномен Чуждости.

При этом важно также указать на то, что этнонимы, участвующие в стереотипообразовании, имеют негативные коннотации и предусматривают негативную оценку этнических явлений. Речь идет, прежде всего, о таких формах этнонимии, как этнические прозвища (moustache Pete – итальянец, bubble – грек), этнофобизмы (yellow-belly – мексиканец, hekking-choker – норвежец) и другие неофициальные этнономинации.

Некоторые стереотипные формы выполняют номинативную функцию: целым этносам или их представителям они дают еще одно название, включающее сниженно-ироническое или откровенно оскорбительное отношение к этносу-денотату.

Кроме того, вследствие связей с негативно маркированными концептами инвективную направленность могут контекстуально получать нейтральные по характеру эндоэтнонимы, символические имена собственные (типа Ivan – россиянин, Otto – немец).

В медиа-языке часто встречаются вербальные репрезентации стереотипов, отражающих пролонгированные ксенофобные настроения, которые не содержат агрессивно-деструктивного компонента по отношению к иноэтническим группам. Однако, актуализация их в конфликтных контекстах провоцирует соответствующий резонанс в обществе и может спровоцировать реальные столкновения на этнической почве.

Выводы. Язык интолерантности как любое публичное языковое действие, основанное на ксенофобии, включает в себя ряд языковых форм, касающихся явления этнонимии. Этнофобизмы, этнические прозвища, этнические ярлыки и другие неофициальные формы этнономинации в свою очередь являются средствами вербализации негативных этнокультурных гетеростереотипов. Таким образом, можно утверждать, что посредством языка интолерантности в медиатекстах проявляются негативно коннотированные стереотипные представления о Других, которые содержатся в коллективном сознании определенного общества или в индивидуальном сознании профессионального коммуникатора.

References:

1. Gorbachova O.V. Mova vorozhnechi: ksenofobija chi bezladnist' – Pravij ekstremizm i tolerantnist': z dosvidu Ukraïni ta Nimechchini [The language of hostility: xenophobia or disorderliness – Right extremism and tolerance: from the experience of Ukraine and Germany], O.V. Gorbachova – Kiev., Zapovit, 2008. – pp. 36-43.

2. Grechihin M.V. Sovremennyj russkij mediadiskurs: jazyk intolerantnosti :na materiale jazyka rossijskih SMI [Modern Russian media discourse: the intolerance language: based on materials of language of the Russian media] dissertation for the Candidate of Philology degree: specialty. 10.02.01., M.V. Grechihin – Belgorod., 2008. – 159 P.

3. Dolgova M.V. Jazykovaja obektivacija tipizirovannyh predstavlenij FRG [Language objectivization of the typified representations of the FRG]: thesis abstract of candidate of Philological sciences: specialty. 10.02.19., M.V. Dolgova. – Moskva., 2007. – 22 P.

4. Evstaf'eva A.V. Jazyk vrazhdy v sredstvah massovoj informacii: lingvisticheskie i jekstralingvisticheskie faktory funkcionirovanija [Hostility language in mass media: linguistic and extralinguistic factors of functioning]: dissertation for the Candidate of Philology degree: specialty. 10.02.01., A.V. Evstaf'eva. – Tol'jatti., 2009. – 298 P.

5. Ekologija movi v konteksti problemi rozmaïttja kul'tur i ZMI: proekt «Dialog z ZMI – ključ do dialogu riznih kul'tur: pidtrimka rozmaïttja i vidpovidal'nosti media» [Ecology of language in the context of the cultures and media diversity problem: the project "Dialogue with the media – a key to the dialogue between various cultures: promotion of diversity and responsibility of media"], by project manager M. Gosh. — Kiev., Ajva plus LTD., 2008. – 52 P.

6. Murav'eva N. Jazyk tolerantnosti

i jazyk intolerantnosti [Language of tolerance and intolerance], media Library., N. Murav'eva., [Electronic resource], Access mode: <http://hghltd.yandex.net/yandbtmfmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.tolerance.ru>

7. Rezanova A.N. Klassifikacija disfemizmov po leksiko-semanticheskim razrjadam [Classification of dysphemisms by lexical-semantic categories], A.N. Rezanova., [Electronic resource], Access mode: <http://ephil-herzen.com/wp-content/uploads/2010/02/011.do>

8. Prikladnaja konfliktologija dlja zhurnalistov [Applied conflictology for journalists] – Moskva., Human rights, 2006. – 158 P.

9. Savonchak V.Ja. Mova vorozhnechi u ZMI: do diskusii pro ponjattja [The language of hostility in the media: to the discussion about the concepts] V.Ja. Savonchak – Bulletin of Karazin Kharkiv National University, Series: Social Communications., 2011., No. 968. Issue. 3., pp. 35-41.

10. Chudinov A.P. Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory [Russia in the metaphorical mirror: cognitive research on the political metaphor]. Monograph., Ural State Pedagogical University – Ekaterinburg., 2001. – 238 P.

Литература:

1. Горбачова О.В. Мова ворожнечі: ксенофобія чи безладність / Правий екстремізм і толерантність: з досвіду України та Німеччини., О.В. Горбачова. – Київ., Заповіт, 2008. – С. 36-43.

2. Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс: язык intolerance: на материале языка российских СМИ Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01., М.В. Гречихин. – Белгород, 2008. – 159 с.

3. Долгова М.В. Языковая объективация типизированных представлений ФРГ: автореф. дис. на соискание

учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 / М.В. Долгова. – Москва., 2007. – 22с.

4. Евстафьева А.В. Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01, А.В. Евстафьева. – Тольятти, 2009. – 298 с.

5. Екологія мови в контексті проблеми розмаїття культур і ЗМІ: проєкт «Діалог з ЗМІ – ключ до діалогу різних культур: підтримка розмаїття і відповідальності медіа» / [кер. проєкту М. Гош]. – Київ., Айва плюс ЛТД., 2008. – 52 с.

6. Муравьева Н. Язык толерантности и язык intolerance., Библиотека СМИ / Н.Муравьева – режим доступа к статье: <http://hghltd.yandex.net/yandbtmfmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.tolerance.ru>

7. Резанова А.Н. Классификация дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам., А.Н. Резанова. – Режим доступа до статті: <http://ephil-herzen.com/wp-content/uploads/2010/02/011.do>

8. Прикладная конфликтология для журналистов. – М., Права человека, 2006. – 158 с.

9. Савончак В.Я. Мова ворожнечі у ЗМІ: до дискусії про поняття / В.Я. Савончак., Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Соціальні комунікації. 2011. № 968. Вип. 3., С. 35-41.

10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Information about author:

Nonna Varekh – Postgraduate student, Dnipropetrovsk National University named after O. Gonchar; address: Ukraine, Dnipropetrovsk city; e-mail: nonna.varekh@gmail.com

SUPERNOVAE AND THE BIOSPHERE

M.Y. Treschalin, Doctor of Technical sciences, Full Professor
Lomonosov Moscow State University,
Russia

The author examines the influence of supernovae on life and development of the biosphere. The report includes the historical data and connection between the emergence of supernovae and the passionarity movement on the Earth.

Keywords: supernova, flash, energy, passionarity movement, period.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

СВЕРХНОВЫЕ ЗВЕЗДЫ И БИОСФЕРА

Трещалин М.Ю., д-р техн. наук, проф.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия

В статье рассматривается влияние сверхновых звезд на жизнь и развитие биосферы. Приводятся исторические данные и связь появления сверхновых на пассионарное движение на Земле.

Ключевые слова: сверхновая звезда, вспышка, энергия, пассионарное движение, период.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.932>

Гипотезы о влиянии взрывов сверхновых звезд на возникновение жизни на Земле и ее биосферу высказывались уже давно. По данным официальной астрофизики, взрывы сверхновых звезд в нашей Галактике случаются в среднем один раз в 100-200 лет.

Считается, что в Европе первая сверхновая звезда, открыта Гиппархом в созвездии Скорпиона в июле 134 г. до н. э. Одна из наиболее ранних звезд, рассматриваемая сверхновая, наблюдалась в Китае в 185 г. Эта звезда находилась в созвездии Центавр и была видима от 8 до 20 месяцев. Есть сообщения о звезд в 369 г. Она была видима в течение 5 месяцев, однако ее расположение точно не известно. Сверхновая 393 г. была видна от 60 до 115 дней. Вспыхнула она в астеризме Уэй, лежащем вблизи галактического экватора.

Звезда, появившаяся на небе 1 мая 1006 г. в созвездии Волк, интенсивно наблюдалась в Китае, Японии, Европе и арабских странах. Звезда оставалась видимой в период 27 августа - 24 сентября. Китайцы характеризовали сверхновую следующим образом: «Большая ... как золотой диск, она похожа на половину Луны с расходящимися в стороны лучами. Она настолько ярка, что в ее свете все прекрасно видно». В японских летописях яркость звезды сравнивается с Марсом. В настоящее время зафиксирован остаток этой сверхновой.

4 июля 1054 г. в созвездии Тельца появилась звезда, светимость которой был примерно в пять раз больше яркости Венеры. Днем звезда была видна в течение 23 дней, до 27 июля 1054 г.

Общепризнано отождествление Крабовидной туманности с остатком этой звезды. В 1963 г. было обнаружено радиоизлучение этой туманности, а в 1964 г. - ее излучение в рентгене.

Вспышка сверхновой звезды, впервые замеченная 6 августа 1181 г. в созвездии Кассиопеи, в Китае и Японии была видна в течение 185 дней, имела сине-желтый цвет и по блеску равнялась Сатурну. На месте вспышки имеется открытый еще в 1952 г. радиоисточник нетеплового характера с яркой сердцевиной - «двойник» радиоисточника Телец А.

Сверхновую в созвездии Кассиопеи на исходе осени 1572 г., наблюдатели Европы и Восточной Азии сравнивали с Венерой, ее было видно даже днем. Эта звезда, известная как «Сверхновая Тихо», была замечена в Корее 6 ноября 1572 г., а спустя два дня - в Китае. Существенно ослабев к марту 1573 года, она исчезла между 21 апреля и 19 мая 1574 г.

В 1604 г. сверхновая появилась в созвездии Змееносец, в трех градусах к северо-западу от Юпитера и Марса, которые в то время были в соединении. Звезда, называемая сейчас «Сверхновая Кеплера», замечена в Европе 9 октября, 10 октября - в Китае. В середине октября она стала ярче Юпитера. Наибольшего блеска сверхновая достигла в конце октября 1604 г. В китайских хрониках отмечалось, что 10 октября 1604 г. появилась звезда желто-красного цвета, похожая на круглый мяч. Она была видна с 27 октября по 26 ноября 1604 г., после чего перестала быть видимой до 3 февраля 1605 г. и совсем исчезла 7 октября 1605 г. [1-4].

К уже приведенным сверхновым следует добавить так называемую «Христианскую сверхновую звезду» или Вифлеемскую звезду, которая вспыхнула в первом году нашей эры при рождении Иисуса Христа: «Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке... Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал у них время появления звезды... Звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними... Увидевши эту звезду, они возрадовались радостью весьма великой» (Матфей, 2:2,7,9-10). Здесь нельзя не отметить точку зрения авторов «Новой хронологии» [5], которые полагают, что вспышки сверхновых во время Второй империи, являются отражениями появления звезд в период X-XIII веков, т.е. даты вспышек 1 г. и 1054 г. совмещаются при хронологическом сдвиге на 1053 г., и, следовательно, утверждают, что Иисус Христос жил в XI веке н.э. Кроме того, А.Т. Фоменко, Г.В. Новосовский и др., ориентируясь на почти одинаковую продолжительность видимости, считают сверхновые 185 г. и 1230 г. одной и той же звездой [6].

Подтверждением исторических хроник в отношении датировки вспышек сверхновых, служат современные астрофизические исследования. В частности, остатки сверхновых звезд зафиксированы в 2004 г.: Кассиопея А (1658 г.), Сверхновая Кеплера (1604 г.), Кассиопея А (1592 г.), Кассиопея В (1572 г.), Крабовидная туманность (Телец А «Краб», 1054 г.), остаток сверхновой 1181 г. - 3C 58, Puppis A (созвездие Корма, возраст ~ 8000 лет), Vela X (созвездие Парусов, возраст ~ 10000 лет), Петля Лебедя

или туманность Вуаль (возраст 5000-1000 лет), туманность IC-443 (созвездие Близнецов, возраст ~ 8000 лет). Кроме того, радиоастрономы обнаружили кольцо газа, остающегося от сверхновой в созвездии Кассиопеи, и вычислили дату взрыва - 1658 г. В летописях, относящихся к указанному году, появление необычно яркой звезды не зафиксировано, хотя она отмечена в этом же месте на звездной карте 1680 г.

Гипотеза о влиянии вспышек сверхновых звезд на эволюцию жизни на Земле, возникновение природных катастроф и, в частности, гибель динозавров в конце мелового периода, была выдвинута в 1957 г. В.П. Красовским и И.С. Шкловским [3]. Корреляцию между вспышками сверхновых и пассионарным движением установил С.Б. Колесников [7, 8]. В. Такер доказал, что существуют два временных интервала, когда биота испытывает стрессы в результате вспышки сверхновой: один в течение 30 лет после прихода релятивистской ударной волны, а другой на 3000 – 30000 лет позже вследствие воздействия остатков сверхновой звезды. Излучение сверхновой разрушает озоновый слой и вызывает губительное ультрафиолетовое облучение [9]. В Коране указывается, что железная руда имеет не земное происхождение, и попадала с метеоритами, образовывавшимися в результате взрывов сверхновых, т. е. была физически «низведена на Землю».

Даты наблюдения вспышек сверхновых звезд, в исторических документах даны на основе хронологической шкалы И. Скалигера. Единого мнения относительно точности приведенных И. Скалигером дат наблюдений вспышек сверхновых в нашей Галактике, у астрономов, историков, физиков и математиков, к сожалению, нет. Недостаточность исторических сведений, вызывает определенные сложности и с классификацией некоторых появившихся звезд (новая или сверхновая). Кроме того, маловероятно, что появление новой звезды замечалось астрономами в тот момент, когда электромагнитное излучение от этого взрыва, произошедшего много тысяч лет назад, приходит на Землю. Следует, также, учитывать и состояние атмосфе-

ры (сплошная облачность, тайфуны, пыльные бури), которое существенно влияет на точность обнаружения вспышек сверхновых. В связи с этим целесообразно рассмотреть мнения различных исследователей с тем, чтобы иметь полную информацию для сопоставления мировых катастроф и появления сверхновых звезд. По данным [1, 3, 4, 10], вспышки сверхновых датируются:

– Д.А. Грином и Р.Ф. Стивенсоном: 185 г., 393 г., 1006 г., 1054 г., 1181 г., 1572 г., 1604 г.;

– И.С. Шкловским: 185 г., 872 г., 1006 г., 1054 г., 1181 г., 1572 г., 1604 г.;

– М. Замалетдиновым: 2296 г. до н.э., 2241 г. до н.э., 185 г., 393 г., 668 г., 902 г., 1006 г., 1054 г., 1184 г., 1230 г., 1572 г., 1604 г.

По мнению А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского «... в списке новых и сверхновых вспышек могут быть дубликаты. То есть на самом деле вспышек наблюдалось не очень много, но затем они искусственно размножились, когда некоторые летописи были искусственно «отправлены в прошлое» [6]. Полагая, что традиционная хронология истории неверна (по версии А.Т. Фоменко, Г.В. Носовского, Н.А. Морозова [5, 6]), а вместе с ней неверны и даты вспышек сверхновых, С.Б. Колесников [7, 8] провел реконструкцию астрофизических явлений прошлого с привлечением естественных наук. В результате им получены следующие даты вспышек сверхновых: 916 г., 1000 г., 1026 г., 1133 г. (соответствует сверхновой 1006 г. по Шкловскому И.С.), 1187 г. (соответствует сверхновой 1054 г. по Шкловскому И.С.), 1310 г. (возможен минус 1-2 года по некоторым датам, соответствует сверхновой 1181 г. по Шкловскому И.С.), 1572 г., 1604 г. (С.Б. Колесников).

Интересно отметить, что временной интервал между всеми датами соответствующих сверхновых по Колесникову С.Б. и сверхновыми по традиционной хронологии примерно одинаков и составляет ~ 130 лет. Ниже, в табл. 1 приводится общий хронологический список появления сверхновых звезд с указанием автора, предложившего ту или иную дату.

И.С. Шкловский, в 70-х годах про-

шлого столетия писал: «...Вспышки сверхновых звезд не только играют огромную роль для возникновения и эволюции жизни во Вселенной (образование тяжелых элементов, уровень жесткой радиации, обуславливающий мутацию), но и могут быть первопричиной образования живой субстанции из мертвой. ...Во время максимума блеска температура сверхновой ...около 40000 °С, ...основное излучение ...сосредоточено в ультрафиолетовой части спектра. Поток этого излучения, способного ионизировать верхние слои атмосферы Земли, был ~ 1000 эрг/см², что в тысячу раз больше, чем поток от Солнца» [1].

Энергия сверхновой так велика, что происходит синтез новых элементов, в особенности более тяжелых, чем железо. Обогащенное тяжелыми элементами вещество разбрасывается взрывами сверхновых по всей галактике, в результате звезды, образовавшиеся после вспышек, содержат больше тяжелых элементов.

По современным астрофизическим моделям вспышка обусловлена гравитацией. «...В центральных частях таких звезд энергия выделяется при реакциях ядерного синтеза, начиная от самой простой - образования гелия при слиянии ядер водорода, и заканчивая образованием ядер железа из кремния. ...Когда ядро звезды становится железным, выделение энергии в нем прекращается. Ядро не может сопротивляться гравитационным силам и быстро сжимается – коллапсирует и превращается в «нейтронную звезду» и коллапс останавливается. При этом выделяется огромная энергия, поступающая в оболочку звезды и заставляющая ее начать расширение, которое воспринимается как вспышка сверхновой» [11]. Энергия, выделяемая при расширении оболочки такой звезды в миллиарды раз превосходящую энергию термоядерного синтеза. В период вспышки, и несколько месяцев после нее, сверхновая звезда становится третьим по мощности, после Солнца и Луны, источником энергии для Земли. Непосредственно после появления вспышки наибольшее воздействие на земные процессы оказывает фотонное излучение (радиоизлучение, электромаг-

Табл. 1.

Хронологический список появления сверхновых звезд

И.С. Шкловский (по хронологии Скалигера)	Д.А. Грин, Р.Ф. Стивенсон «Исторические сверхновые»	М. Замалетдинов (по хронологии Скалигера)	Колесников С.Б.	Общепризнанная датировка
		2296 г. до н.э.		
		2241 г. до н.э.		
		185 г. до н.э.		
		июль 134 г. до н.э.		июль 134 г. до н.э.
		1 г.		1 г.
185 г.	185 г.	185 г.		185 г.
369 г.				
386 г.				
	393 г.	393 г.		393 г.
		668 г.		668 г.
			916	
872 г.			1000 г.	872 г.
		902 г.	1026 г.	902г.
1 мая 1006 г.	1 мая 1006 г.	1 мая 1006 г.	1133 г.	1 мая 1006 г.
4 июля 1054 г.	4 июля 1054 г.	4 июля 1054 г.	1187 г.	4 июля 1054 г.
1181 г.	1181 г.	1181 г.	1310 г.	1181 г.
		1230 г.		1230 г.
6 ноября 1572 г.	6 ноября 1572 г.	6 ноября 1572 г.	6 ноября 1572 г.	6 ноября 1572 г.
9 октября 1604 г.	9 октября 1604 г.	9 октября 1604 г.	9 октября 1604 г.	9 октября 1604 г.
1658 г.				
1667 г.				
				31 июля 2004 г.

нитное излучение видимого спектра, ультрафиолетовое и рентгеновское излучения, гамма – излучение). В дневное время излучение сверхновой в видимом диапазоне почти теряется в мощности солнечного излучения. Ночью сверхновая облучает Землю в северном полушарии как полная Луна, увеличивая световой день до полного исчезновения ночи. Этот дополнительный источник света вызывает на протяжении нескольких месяцев после вспышки сверхновой изменения в процессах фотосинтеза, психические и физиологические расстройства организма.

Сверхновые порождают и потоки частиц с очень высокой энергией - космические лучи, представляющие собой ядра атомов, электроны и позитроны, движущиеся со скоростями, близкими к скорости света. Основным компонентом космических лучей

являются протоны (ядра водорода) и альфа-частицы (ядра гелия) [12]. Космическое излучение от сверхновых существенно жестче лучей от Солнца, т.к. имеет большую энергию, скорость, проникающую и ионизирующую способности. Это излучение воздействует на атмосферу Земли, вызывая усиление облачного массива и значительное понижение среднегодовой температуры воздуха.

Вспышки сверхновых звезд оказывают значительное влияние на историю нашей цивилизации, и в частности на этногенез. Исследуя процессы зарождения и развития этносов, Л.Н. Гумилев [13] обратил внимание на одну из закономерностей, которая заключается в своеобразии конфигурации географического района возникновения этнических групп. Особенность состоит в том, что этот район имеет вид длинной полосы ши-

риной около 300 км и протяженностью в несколько тысяч километров. В пределах такой полосы, названной Л.Н. Гумилевым осями зон пассионарных толчков или «взрывов этногенеза», в определенные периоды отмечалось повышение активности населения, появление людей сверхдеятельных и очень целеустремленных.

Учитывая гипотезу Л.Н. Гумилева о влиянии космоса на пассионарные толчки («...Говоря о возможных источниках пассионарных толчков, мы не отбросили только одну гипотезу - космическое излучение» [13]), С.Б. Колесников [12] предположил, что полные солнечные затмения участвуют в пусковом процессе образования новых этносов. В результате анализа обстоятельств полных солнечных затмений на протяжении последних двух с половиной тысяч лет и конфигурации полос этногенеза и их распо-

ложение на поверхности Земли было установлено, что все затмения, траектория лунной тени у которых совпадает с траекторией пассионарных толчков, происходили в период вспышки сверхновой звезды. Выявленная С.Б. Колесниковым взаимосвязь имеет вид: вспышка сверхновой звезды - солнечное затмение - пусковой механизм этногенеза – образование нового этноса, для каждого пассионарного толчка. Например:

– сверхновая 1000 года – солнечное затмение 7 апреля 1000 года - инкубационный период (около 100 лет) – пассионарный толчок по оси Центральная Аравия, долина Инда, Тибет, Китай, Корея, Япония. Возникновение ислама, буддизма, конфуцианства;

– сверхновая 1026 года – солнечное затмение 12 ноября 1026 года – инкубационный период – пассионарный толчок по оси Монголия, Манчжурия. Появление людей «длинной воли»;

– сверхновая 1133 года – солнечные затмения 2 августа 1133 года и 23 июля 1134 года – инкубационный период - пассионарный толчок по оси южная Швеция, Румыния, Малая Азия, Сирия, Палестина, Абиссиния. Возникновение христианства;

– сверхновая 1187 года – солнечные затмения 4 сентября 1187 года и 24 августа 1188 года – инкубационный период – пассионарный толчок по оси Литва, Русь, Малая Азия, Эфиопия. Возникновение российского этноса;

– сверхновая 1310 года – солнечное затмение 31 января 1310 года – инкубационный период – пассионарный толчок по оси Испания, Франция, южная Норвегия.

Образование новых этносов С.Б. Колесников связывает с вспышками сверхновых 1572 и 1604 годов. Учитывая возможный инкубационный период, около 100-120 лет по отношению к появлению сверхновой 11 ноября 1572 г., начало пассионарного толчка соответствует середине XVII века: восстание во Вьетнаме с 1771 по 1802 г.г., в этот же период в Китае произошли восстания против маньчжурского ига в Сычуани, Ганьсу и Хубэе, отмечены первые выступления в Тибете, начало фазы подъема Китая, Японии, Ирана.

Полная аналогия со сверхновой

Кеплера (9 октября 1604 г.) С учетом того же инкубационного периода, начало взрыва этногенеза приходится на первую половину XVIII века. В этот период в мире происходили: Великая французская революция (1789 – 1799 г.г.), война за независимость испанских колоний 1810 – 1826 годов, феномен Наполеона Бонапарта, процессы на Сицилии, усиление исламского фундаментализма, наличие повышенной пассионарности в регионах Ирана и Ирака.

Кроме того, в течение последних двух тысячелетий даты наблюдения взрывов сверхновых и даты пассионарных толчков имеют тенденцию образовывать группы. Хронологическая протяженность группы 150 – 200 лет. В каждой группе взрыву этногенеза всегда предшествует вспышка сверхновой. Причиной высокой активности этносов являются мутационные изменения организма людей, обусловленные воздействием потоков космических лучей от взрывов сверхновых. Таким образом, прослеживается следующая последовательность явлений: вспышка сверхновой звезды – скрытый период (развитие и передача потомству мутационных признаков) – пассионарный толчок.

Фактически, появление сверхновых не наблюдали с 1604 г. до 31 июля 2004 г., когда японский астроном-любитель Koichi Itagaki (Nakano, S. et al. IAU Circ., 8377, 2004) открыл сверхновую звезду SN2004dj, обнаруженную в галактике NGC2403.

В целом перечисленные факты убедительно доказывают, что человек, как и все живое на Земле, является элементом Солнечной системы и, следовательно, подчиняется законам существования и развития Вселенной.

References:

1. Shklovskij I.S. Zvezdy. Ih rozhdenie, zhizn' i smert' [Stars: their birth, life and death]. - Moskva., Nauka [Science], 1977.
2. Narlikar Dzh. Neistovaja vseennaja [Violent universe]. - Moskva., Mir, 1985.
3. Shklovskij I.S. Sverhnovye zvezdy i svjazannye s nimi problemy [Supernovae and related problems]. -

Moskva., Nauka, 1976.

4. Grin D.A., Stivenson R.F. Istoricheskie sverhnovye [Historical supernovae].

5. Nosovskij G.V. Novaja hronologija i koncepcija drevnej istorii Rusi, Anglii i Rima. Fakty, statistika, gipotezy [New chronology and the concept of the ancient history of Russia, England and Rome. Facts, statistics, hypothesis], Vol. 2., Scientific edition., Nosovskij G.V., Fomenko A.T. - 2nd ed., rev. and add. - Moskva., УНЦ ДО, 1996. – 320 P.

6. Nosovskij G.V., Fomenko A.T. Imperija [The empire]. Moskva., Publisher «RIMIS», 2004.- 1144 P.

7. Kolesnikov S.B. Sverhnovye i jetnogenez [Supernovae and ethnogenesis], 2003., [Electronic resource], Access mode: <http://www.astroway.narod.ru>.

8. Kolesnikov S.B. Sverhnovye i jetnogenez [Supernovae and ethnogenesis], Issue 1., Published on World Astrology [Electronic resource], Access mode: <http://www.astrol.ru>, October 2000.

9. Stozhkov Ju.I. Kosmicheskie luchi v atmosfere Zemli [Cosmic rays in the Earth's atmosphere].

10. Zigel' F.Ju. Sokrovishha zvezdnogo neba. Putevoditel' po sozvezdijam i Lune [Treasures of the stary sky. Guide to the constellations and the Moon]. Issue 5. - Moskva., Nauka [Science], 1987. - 296 P.

11. Cvetkov D.Ju. Sverhnovye tipa Ib/c. New observations [Supernovae of the Ib/c type. New observation data], UFN. - 2002., Vol. 172., No. 8., pp. 963-966.

12. Kolesnikov S.B. Estestvennaja istorija [Natural history], [Electronic resource], Access mode: <http://www.astrol.ru>.

13. Gumilev L.N. Jetnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. - Moskva., «Tanais Di-Dik», 1994.

Литература:

1. Шкловский И.С. Звезды. Их рождение, жизнь и смерть. М.: Наука, 1977.
2. Нарликар Дж. Неистовая вселенная. М.: Мир, 1985.

3. Шкловский И.С. Сверхновые звезды и связанные с ними проблемы” М.: Наука, 1976.

4. Грин Д.А., Стивенсон Р.Ф. Исторические сверхновые.

5. Носовский Г.В. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика, гипотезы. Том 2.. Научное издание / Носовский Г.В., Фоменко А.Т. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: УНЦ ДО, 1996. - 320 с.

6. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. М.: Издательство «РИМИС», 2004.- 1144 с.

7. Колесников С.Б. Сверхновые и

этногенез. 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.astroway.narod.ru>

8. Колесников С.Б. Сверхновые и этногенез (издание первое). Опубликовано на сайте Мироя Астрология (<http://www.astrol.ru>) в октябре 2000 г.

9. Стожков Ю.И. Космические лучи в атмосфере Земли.

10. Зигель Ф.Ю. Сокровища звездного неба. Путеводитель по созвездиям и Луне. Изд-е 5-е. М.: Наука, 1987. - 296 с.

11. Цветков Д.Ю. Сверхновые типа Ib/c. Новые данные наблюдений. //УФН. - 2002.- т.172, N.8. - с. 963-966.

12. Колесников С.Б. Естественная история. Опубликовано на сайте Мироя Астрология (<http://www.astrol.ru>).

13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: «Танаис Ди-Дик», 1994.

Information about author:

Michail Treschalin - Doctor of Technical sciences, Full Professor, Lomonosov Moscow State University, address: Russia, Moscow city; e-mail: mtreschalin@yandex.ru

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu> e-mail: office@iashe.eu phone: +44 (20) 328999494

**SOCIAL CROSS-CULTURAL APPROACH
AS THE FACTOR OF INTERPERSONAL
COMMUNICATIONS ON THE BASIS
OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES**

G. Ferapontov, Candidate of Education, Associate Professor,
Head of a Chair
N. Vlasjuk, Candidate of Philosophy Associate Professor
O.V. Mishutina, Senior Lecturer
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

English studying by students of non-language specialties of the natural-science division at the university promotes not only the formation of certain baggage of theoretical and practical knowledge, but also the introduction into critical consideration of the system of relations between the person and the world, familiarization with the variety of cultural space, as well as the ability to be guided in it. Learning on the socio-cross-cultural approach (Ferapontov G.A.) as the factor of interpersonal communications focusing attention on the establishment of special partnership based on cooperation, communication and mutual understanding of subjects of the educational process leading to the development of all spheres of the personality, makes it possible to form the socio-cross-cultural competence of students having chosen the natural-science division in the higher education institution. In the conditions of interpersonal interaction in multinational, poly-confessional and poly-cultural society of the sustainable development, culturological dramatization, Internet communications and other innovative technologies acquire the great value for the educational process.

Keywords: natural-science direction, socio-cross-cultural approach, educational process, socio-cross-cultural competence, interpersonal interaction, poly-cultural society of the sustainable development, culturological dramatization, Internet communication, innovative technologies.

Conference participant

**СОЦИО-КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД
КАК ФАКТОР МЕЖЛИЧНОСТНОГО
ОБЩЕНИЯ НА БАЗЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Ферапонтов Г.А., канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой
иностранных языков института естественных
и социально-экономических наук
Власюк Н.Н., канд. филос. наук, доцент
Мишутина О.В., ст. преподаватель
Новосибирский Государственный педагогический университет,
Россия

Изучение английского языка студентами неязыковых специальностей естественнонаучного направления в университете способствует не только формированию у них определенного багажа теоретических и практических знаний, но и введению в критическое рассмотрение системы отношений между человеком и миром, знакомству с многообразием культурного пространства, умению ориентироваться в нём. Опираясь на социо-кросс-культурный подход (Ферапонтов Г.А.) как фактор межличностного общения, акцентирующий внимание на установлении особых партнерских отношений, основанных на сотрудничестве, коммуникации и взаимопонимании субъектов образовательного процесса, ведущих к развитию всех сфер личности делает возможным формировать социо-кросс-культурную компетенцию у студентов, выбравших естественнонаучное направление в вузе. В условиях межличностного взаимодействия в многонациональном, поликонфессиональном и поликультурном обществе устойчивого развития, большое значение для образовательного процесса приобретают Культурологическая драматизация, интернет-коммуникация и другие инновационные технологии.

Ключевые слова: Естественнонаучное направление, социо-кросс-культурный подход, образовательный процесс, межличностное общение, поликультурное общество устойчивого развития, Культурологическая драматизация, интернет-коммуникация, инновационные технологии.

Участник конференции

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.933>

Исследования в области педагогики сотрудничества, социологии и социолингвистики, коммуникативно ориентированной этнографии, международного опыта глобализации и “европеизации” содержания образования создают условия для формирования новой модели образования, в которой инновационная модель социо-кросс-культурного образования средствами родного и неродного (в том числе и иностранного) языков и других гуманитарных дисциплин, необходимых для формирования гражданской культуры, осуществляется по принципу «расширяющегося круга» соизучаемых культур (от этнических и супер-этнических культур, разновидностей социальных субкультур, к геополитически взаимосвязанным континентально-региональным культурным пластам и цивилизациям, а затем и к мировой культуре и общепланетарной цивилизации) и с ориентацией на диа-

лог культур [3].

Концепция социо-кросс-культурного образования, разработанная в научно-исследовательской лаборатории Новосибирского государственного педагогического университета, включает социо-кросс-культурный феномен гражданского воспитания (термин введён в научный оборот Ферапонтовым Г.А.), представляющего собой *баланс социокультурного и кросскультурного контекстов в воспитании гражданской личности*. Данный феномен включает в себя понятие единства развития и саморазвития человека как гражданина в культурно-образовательном пространстве двух условных социумов педагогического влияния (Этнокультурного и Кросскультурного) в преемственной образовательной вертикали. Здесь мы также видим диалектику развития социокультуры и кросскультуры гражданской личности как дуальной оппозиции и как

единства и борьбы противоположностей, способствующих формированию гражданина демократического типа [1].

Слаженность действий двух контекстов (социокультурного и кросскультурного), их гармония и противодействие позволяют субъекту гражданского развития на себе претерпевать возрождение гражданской культуры и становиться как бы ее мотором.

Первый (*Этнокультурный контекст педагогического влияния*), по нашему мнению, представляет собой влияние культурно организованной среды родного этноса (с устойчивой совокупностью людей, идей, предметов культуры, знаков, символов, традиций), где в качестве учителя может выступать реальный «культурный носитель», говорящий на родном языке, идея, артефакт и т.д., имеющие общий социальный признак освоения

внутренней культуры среды обитания родного этноса и выполняющие общественно необходимую функцию культурного общения в общей структуре культурного взаимодействия.

Второй (*Кросскультурный контекст педагогического влияния*) может быть представлен культурно-образовательной средой «неродного» этноса (общность людей разных культур, идей, предметов культуры, знаков, символов, традиций и т.д.), где в качестве учителя выступает реальный «культурный носитель», говорящий на «неродном языке», идея, артефакт, интернет, образовательная компьютерная программа, а в качестве ученика любой субъект культурного развития, желающий вступить в кросскультурную коммуникацию. Данная условная общность имеет общий социальный признак (культурное развитие и культуротворчество на базе кросскультурной компетенции) и выполняет социально необходимую функцию формирования планетарного сознания в культурном развитии и саморазвитии субъекта.

Таким образом, разные «дистанции» действия культурных сфер, «пластов» среды, воздействующие на образовательное пространство Этнокультурного контекста, с одной стороны, а также культуротворческие искания по законам культурной коммуникации Кросскультурного контекста, с другой - позволяют учителю и ученику (студенту и преподавателю) строить Диалог культурного развития, в котором язык учителя и его культурные тексты выполняют роль метаязыка. В связи с этим, социо-кросс-культурная интеграция воспитательных контекстов гражданского образования рассматривается нами как инновационная педагогическая система, позволяющая в школах разного уровня формировать гражданина демократического типа, который, во-первых, знает свои обязанности и права, обладает чувством собственного достоинства, внутренней свободой, дисциплинированностью, уважением и доверием к другим гражданам и к государственной власти, способен выполнять свои обязанности, гармонически сочетать патриотические, национальные и интернациональные интересы своей

страны; и, во-вторых, на базе сформированной социо-кросс-культурной компетенции может решать комплексные проблемы человека в родном и неродном социуме, используя общепризнанные демократические модели деятельности и социально-педагогические технологии адаптации в поликультурном мире.

Для реализации адаптивных задач гражданского строительства в преемственной вертикали школа-вуз мы представляем теоретическое обоснование и практическое освоение авторской технологии гражданского воспитания средствами Культурологической драматизации и Интернет-коммуникации, соединяющей в естественной драматизационной и драматургической деятельности три важнейших элемента: *аутентичный текст, культурологический образ гражданского события и социо-кросс-культурную интернет-коммуникацию.*

Многоуровневая модель становления интегрированного социо-кросс-культурного пространства субъекта гражданского воспитания в современной России, по нашему мнению, должна быть направлена на:

а) целостное становление нравственной, свободной гражданской личности школьника, студента в интегрированном социо-кросс-культурном пространстве преемственной вертикали «семья – школа – гимназия – колледж – университет» с учетом социально личностно-ориентированного образования и культуротворческий мотивации;

б) формирование ключевой социо-кросс-культурной гражданской компетенции участников культурно-образовательного процесса на базе воспитания нравственных гражданских качеств личности и гражданского сознания [2].

С другой стороны социо-кросс-культурное образование также включает знакомство студента с историей и культурой страны изучаемого языка, анализа «своих» и «чужих» традиций, национальных особенностей и т.п. В такой ситуации не обойтись без внимания к зарубежному опыту и включению в преподавание иностранного языка достижений других дисциплин. Так например, при формировании па-

кетов упражнений, текстов и тестов, описания контрольных, лабораторных и практических работ в on-line & off-line режимах [5] для Дистанционного Курса «Английский язык для студентов ИЕСЭН Новосибирского государственного педагогического университета (Общекультурный блок)» – основывается на опыте многолетнего и тщательного анализа практической работы студентов университета с грамматическим материалом в социо-кросс-культурном контексте (Мишутина О.В.) [4].

Таким образом, изучение английского языка студентами неязыковых специальностей естественнонаучного направления способствует не только формированию у них определенного багажа теоретических и практических знаний, но и введению в критическое рассмотрение системы отношений между человеком и миром, знакомству с многообразием культурного пространства, умению ориентироваться в нём. Опираясь на социо-кросс-культурный подход как фактор межличностного общения, способствует формированию социо-кросс-культурной компетенции у студентов, выбравших естественнонаучное направление в вузе. В условиях межличностного взаимодействия в многонациональном, поликонфессиональном и поликультурном обществе, большое значение для образовательного процесса приобретают и другие инновационные технологии.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в современной социокультурной ситуации взаимодействие этнокультурного и кросскультурного контекстов на базе образовательных технологий, на наш взгляд, является обязательным условием устойчивого развития гражданского общества. Устойчивое развитие просто невозможно без социо-кросс-культурного образования, опирающегося на инновационные образовательные технологии. «Существительное механизм ... подталкивает к глаголу изобрести, но не стоит обольщаться соблазнами технологического оптимизма и рекламой социального конструирования. Пожалуй, большинство нужных механизмов уже существует в человеческой практике, надо их увидеть, не мешать, а наоборот, способствовать их развитию и

распространению. Надо поддерживать их позитивную работу, препятствуя проявлению негативных свойств» [6].

Самая важная роль принадлежит механизмам, лежащим в сфере культуры, и, соответственно, воспитания и образования. Именно здесь необходимо богатство возможностей, которое дается только культурным, этническим разнообразием, но при условии тесного межличностного общения, диалога культур и недогматического отношения к «своему», если оно не лучшим образом соответствует необходимому «общему».

Поэтому среди многообразных научных изысканий последних лет, на наш взгляд, особого внимания заслуживает социо-кросс-культурный подход (Ферапонтов Г.А.) акцентирующий внимание на установлении особых партнерских отношений, основанных на сотрудничестве, коммуникации и взаимопонимании субъектов образовательного процесса, ведущих к развитию всех сфер личности. Мы считаем, что следует ориентироваться на взаимодействие этнокультурного и кросскультурного контекстов согласующихся с требованиями устойчивости в социальных ее аспектах.

Межличностное взаимодействие, представляется, во-первых, как обязательный компонент, обеспечивающий устойчивость всего процесса образования и, во-вторых, как своеобразный результат, выражающийся в получении каждым субъектом (как педагогом, так и студентом) *духовных и нравственных приоритетов*, расширяющих стандартизированные рамки классически-нормированных знаний, умений и навыков до категории «драматизация», «компетентность» и «социокросскультурный опыт». В связи с этим актуализируется задача обучения будущего гражданина грамотному, компетентному межличностному взаимодействию с целью возможности формирования его как гражданина демократического типа, участвующего в формировании общества устойчивого развития. (Власюк Н.Н.) [7].

References:

1. Ferapontov G.A. Sociokul'turnyj i krosskul'turnyj fenomen v sisteme

obrazovanija [Socio-cultural and cross-cultural phenomenon in the education system]: monograph., G.A. Ferapontov. – Novosibirsk., Institute of Philosophy of Education NGPU, 2003. – 203 P.

2. Ferapontov G.A. Konceptija integrativnogo socio-kross-kul'turnogo grazhdanskogo vospitaniya obrazovanija - Komparativnye issledovaniya i krosskul'turnyj podhod v nauke i obrazovanii. Materialy mezhdunarodnogo mezhdisciplinarnogo seminarina [The concept of integrative socio-cultural civil education - Comparative researches and cross-cultural approach to science and education. Materials of the International Interdisciplinary Seminar]. – Novosibirsk., Scientific edition NGPU, 2008.

3. Ferapontov G.A. Grazhdanskoe vospitanie v socio-kross-kul'turnom obrazovatel'nom prostranstve shkoly i vuza [Civil education in the socio-cultural educational environment of the school and university]: monograph., G.A. Ferapontov., The Ministry of Education and Science of the RF, Novosibirsk State Pedagogical University. – Novosibirsk., Publisher NGPU, 2013. – 100 P.

4. Mishutina O.V., [Electronic resource], Access mode: engnature.nspu.ru

5. Chupahina, I.A. Kriterii kachestva rabochej programmy uchebnogo kursa [Criteria for the quality of the course program], I.A. Chupahina., Bulletin of the Moscow Pedagogical University. Series: "Information and informatization of education" – 2006., No. 1 (6) 2006., pp. 206-207.

6. Danilov-Danil'jan V.I., K.S. Losev, I.E. Rejff Pered glavnym vyzovom civilizacii; Vzglyad iz Rossii [Front of the main challenge to civilization; View from Russia], [Electronic resource], Access mode: http://lit.lib.ru/r/rejff_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml. (click date: February 9, 2014)

7. Vlasjuk N.N. Obrazovanie kak faktor adaptacii k informacionnomu obshhestvu [Education as a factor of adaptation to the information society]: monograph., N.V. Vlasjuk., Ministry of Education and Science of the RF, – Novosibirsk State Pedagogical University. – Novosibirsk., Publisher NGPU, 2013. – 167 P.

Литература:

1. Ферапонтов Г.А. Социокуль-

турный и кросскультурный феномен в системе образования: монография / Г.А. Ферапонтов. – Новосибирск. Институт философии образования НГПУ, 2003. 203 с.

2. Ферапонтов Г.А. Концепция интегративного социо-кросс-культурного гражданского воспитания образования // Компаративные исследования и кросскультурный подход в науке и образовании. Материалы международного междисциплинарного семинара: Новосибирск: Научное издание НГПУ, 2008.

3. Ферапонтов Г.А. Гражданское воспитание в социо-кросс-культурном образовательном пространстве школы и вуза: монография / Г.А.Ферапонтов. - Мин-во образования и науки Р.Ф. Новосибир. гос. пед. ун-т. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. - 100 с.

4. Мишутина О.В. – URL: [engnature.nspu.ru]

5. Чупахина, И.А. Критерии качества рабочей программы учебного курса / И.А. Чупахина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Информатика и информатизация образования». – 2006. - №1 (6) 2006. – с. 206-207

6. Данилов-Данильян В.И., К.С. Лосев, И.Е. Рейф Перед главным вызовом цивилизации; Взгляд из России. – URL: http://lit.lib.ru/r/rejff_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml. (Дата обращения 9 февраля 2014 г.)

7. Власюк Н.Н. Образование как фактор адаптации к информационному обществу: монография / Н.В. Власюк. - Мин-во образования и науки Р.Ф. Новосиб. гос. пед. ун-т. - Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013.- 167 с.

Information about authors:

1. Gennadiy Ferapontov - Candidate of Education, Associate Professor, Head of a Chair, Novosibirsk State Pedagogical University; address: Russia, Novosibirsk city; e-mail: chairforeignlang@rambler.ru

2. Natalya Vlasjuk - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University; address: Russia, Novosibirsk city; e-mail: nnvlasuk@ngs.ru

3. Olga Mishutina - Senior Lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University; address: Russia, Novosibirsk city; e-mail: purus@sibmail.ru

IN THE SEARCH FOR SELFNESS THROUGH THE PRISM OF THE COMPREHENSIVE DIALOGUE (in relation to one exhibition – competition)

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria

In the dialogic interaction between the creators, sharing ideas, aesthetic messages and original plastic visions the discoveries are born; from time to time these periodically crown an endless searching process – painful, but compelling with challenges. The “vocation” of this undying zeal is to highlight the “selfness” of the object, its identifying integrity through the comprehensive spiritual and aesthetic penetration, and not undermine it with partial or undecided contiguities. Only this way the artwork can live independently and become a spiritual breathing entity. The initial non-cognoscibility of the object, as well as that of the world, through selfless cognitive and artistic approaches, becomes the illusory, but rescue platform for the aesthetic transcendence. Even the “angular” illumination of the object, through the piercing and lit up look of the artist, covers it with completeness in order to make the impossible less impossible.

Keywords: selfness, search, object, negation, Form, hermeneutics, contemplation, dialogue, freedom, transcendence.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

В ПОИСКЕ САМОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ДИАЛОГА (по поводу одной выставки – конкурса)

Хамзе Д.Г., ассистент
Пловдивски университет им. Паисия Хилендарского, България

В диалогической интеракции между творцами, разделяющими идеи, эстетические послания и оригинальные пластические видения, рождаются открытия, которые периодически венчают бесконечный процесс мучительных, но манящих своими вызовами, поисков. “Призвание” этого нестихающего устремления – выделить “самость” предмета, т.е. его истинное естество-бытие, коснувшись его идентифицирующей целостности посредством всеобъемлющего духовно-эстетического проникновения, хотя и путем частичных соприкосновений. Только так произведение искусства может начать жить самостоятельной жизнью, стать духовно дышащим “субъектом”. Исконная непознаваемость предмета, как и непознаваемость мира, путем самоотверженных когнитивно-художественных подступов как художника, так и воспринимающего, превращается в спасительную, хоть и иллюзорную, платформу для эстетической трансценденции. Даже “угловое” освещение вещи, сквозь призму пронизательного и озаренного взгляда артиста, как будто окутывает ее в полноту, чтобы сделать невозможное менее невозможным.

Ключевые слова: самость, поиск, объект, негация, Форма, герменевтика, созерцание, диалог, свобода, трансценденция.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.934>

Конкурсное начало притягивает магнитом искушенных творцов и сдержанно-“подрывной” императивностью заставляет их выйти “на ринг”, как на мощную диалогическую платформу для обмена, а почему бы и не для конструктивно-плодотворного столкновения идей, эстетических видений, почерков и концепций, оригинальных пластических решений. В этой динамичной конфронтации взглядов и мировоззренческих позиций рождается великое. Конкурентная ситуация – это не обязательно “бешеное” соревнование за приз, она скорее творческий призыв к идейно-эстетическому размышлению, к самоуглублению; зывание к поиску самости (термин А. Лосева 2004) предмета или, иными словами, его уникальной и неповторимой сути, его исконного бытия в коммуникативной равнине триединства художник – объект (предмет) – реципиент; очередное “пронизывающее” пробуждение периодически засыпающего нашего сознания и чувствительности. “Втыкание шпор” в линияющее сознание всегда болезненный, но отрезвля-

ющий, мобилизирующий акт. Созидательное и благородное соперничество между творцами ведет к максимальной концентрации творческой энергии, дающей шанс произведению искусства отделиться от художника и, как хочется В. Кандинскому, начать жить самостоятельной жизнью, стать “личностью”, духовно дышащим субъектом (Кандински 1998). Потому что хорошо нарисована та картина, которая живет полнокровной внутренней жизнью, в которой ничего нельзя изменить, без того, чтобы не уничтожить эту внутреннюю жизнь. В одном фрагментарном пространстве можно предпринять целую одиссею, наметить инициационные маршруты, сотворить целую духовную Вселенную, сплести сеть герменевтических подступов к искусству самого высшего типа. Обстановка конкуренции воспитывает творца, напоминает ему, что он не из баловней жизни, что не имеет права жить без обязанностей, потому что ему отведено сделать тяжелую работу, которая часто превращается в его крест. Великий теоретик и новатор в искусстве В. Кандинский отмечает,

что любой поступок, любая мысль, любое чувство художника составляя тонкий, неосозаемый, но весомый материал, из которого строятся его произведения. Поэтому он не свободен в жизни, а единственно в искусстве. Конкурентность побуждает художника к самовоспитанию – признавая свой долг к искусству, а следовательно и к самому себе. Она предупреждает его не считать себя хозяином положения, а служителем высших целей, обязанности которого четко определены, большие и святые. И не забывать, что талант всего лишь одеяние души (Кандинский 1998).

И самые молодые, и уже утвержденные художники-участники выставки своим искусством стремятся подчеркнуть автономность предмета (со всем его ансамблем семантических посланий), консолидирующего вокруг себя все художественное пространство. Наряду с этим, автономность эта сублимирует, возвышается и эстетизируется: предмет покидает свой физический контекст и заряжается новыми смысловыми энергиями, содействующими тому, чтобы обнажилась и выде-

лилась его самость. Эта кореференция смыслов, провоцирующая идейно-эстетическое мышление, придает искусству элитарный характер. Эстетика обладает уникальной способностью отделять формы от причин и целей и превращать их в самодостаточную систему ценностей, извлекая именно их самость.

Как утверждает Р. Барт, эстетический дискурс между художниками не должен говорить от имени Закона, доксы или насилия, потому что его опора не политическая, не религиозная, и не научная. Она является чем-то остаточным и чем-то придаточным, что делает дискурс эротическим, т.е. связанным с наслаждением (Барт 2005). Эстетические объекты в изобразительном искусстве, разумеется, являются и интеллектуальными объектами – они уводят нас одновременно к размышлению и к удовольствию, в чем убеждают нас произведения представленных художников. Искусство создает свою истину, гораздо более настоящую, чем истина прагматического бытовизма. Польский писатель-авангардист В. Гомбрович в своей самоиронической игре в “коклетливую” антипатию к изобразительному искусству (хотя художники составляли узкий круг его ближайших друзей и дом его всегда украшали произведения искусства) всегда подчеркивал превосходство (на самом деле достаточно спорное) литературно-художественного языка, неограниченного во времени и пространстве своей необузданной ассоциативностью, над искусством визуального изображения – якобы скованного в пространственных рамках и по принуждению “урезающего” мир и наше представление о нем. Но раз ему удается в кусочке пространства при помощи кусочка материи призвать целые вселенные, выстроить всевозможные монологи и диалоги, возбудить ассоциативно-фантазийным путем бесчисленное количество языковых “палimpseстов”, то его возможности безграничны, а его миссия – грандиозна. Искусство превращается одновременно в генератор и образный эквивалент языка. Посредством него мы “видим” язык. По мнению Р. Барта, слушание и смотрение переходят в скопию: по отношению к языку мы превращаемся в

ясновидящих и войоров (Барт 2005), а мы дополнили бы – благодаря пластическому изображению в самом языке нам удастся вникнуть и в тот самый язык, и в мир изящных искусств.

Негация как “первородный”, генеративный и структурный принцип понятий, уловленный Р. Бартом в его эссе об амфибологиях в языке (Барт 2005), вполне применима и в искусстве. Двусмысленные, “двойные слова”, которые означают одновременно две различные вещи, т.е. одно значение актуализируется не за счет, а благодаря другому, как будто струятся “комментарием” с картин, которые обращаются им к публике в ожидании ее такого же амбивалентно-креативного “комментария”. Наблюдение Р. Барта доказывает это – он уточняет, что речь идет не о полисемии; что фантазийность состоит не в том, чтобы понимать все, а в том, чтобы понимать *не что другое* (Барт: 2005). В этой иронии смысла буйно разрастается негация не как отрицание и элиминирование, а как семантический “проявитель” и комплементарный фактор. Амфибологический профиль картины – это щедрый дар для коммуникантов в дискурсивном акте, как триумфальной встрече интерпретативных ракурсов. Множественная интерпретация – уникальный культурно-антропологический дар, которому обязан весь цивилизационный восход, лишь бы он не был уврежден тенденциозными, пропагандно-идеологическими лозунгами. Тогда всплывает художественная правда. Тогда то, что “не так” в утилитарной плоскости, выглядит “именно так” в художественном ползении. Потому что искусство – вестник и страж истины через свою вездесущую Форму.

Форма в человеческом мышлении и поведении, рождающаяся в коммуникативном пространстве нашего злободневного существования и атоматически подчиняющая его себе, “клеимит” наше бытие, обрекая его на перманентный маскообмен и лишая нас индивидуальности. Единственное частичное, временное, хотя и иллюзорное, спасение, единственная игровая победа над офанзивной Формой – это искусство, потому что его Форма демиургичная, эстетическая и

выполняет послания Абсолюта. *Forma contra Forma*. Анри Фосийон говорит, что художник разворачивает у нас на глазах саму технику духа, предлагает нам ее отливку, которую можем увидеть и которой можем коснуться (Фосийон 1984). Эстетика одновременно прикрывает и раскрывает гораздо больше любой высказанной исповеди. Она наиболее демократична, потому что одаряет нас полной свободой интерпретации.

По словам Ортеги-и-Гассета, то, что каждый человек искусства должен поставить перед собой как цель, это фикция целостности; так как мы не можем обладать всеми вещами и каждой отдельной из них, можем хотя бы постичь форму целостности (Ортега-и-Гассет 1984). Материальность жизни в каждой вещи недоступна, поэтому нас удовлетворяет по крайней мере обладание Формой жизни как эстетика. Комментируя жизнь, искусство является бегством от жизни. Искусство дает возможность творцу перешагнуть в потусторонний мир – туда, где прихоти и пугающие перемены осилены. Лишняя жизнь ее органичных форм, художник возвышает ее до более высшего, неограниченного порядка, отделяет ее от беспорядка и условности, превращает ее во что-то абсолютное и необходимое. В этом духе испанский философ-эстетик отвечает сам на свой вопрос, чем отличается рама витрины или окна от рамы картины – “сквозь первую видны вещи, подчиненные земному притяжению; сквозь вторую видны формы, освобожденные от реальности” (Ортега-и-Гассет 1984). Искусство с помощью реальных предметов, которые всегда находятся в отношениях условности (в обусловленных отношениях), вступает в безусловное. Искусство по своей сути – неосуществление: оно создает новую объективность, возникшую вследствие предварительного разрушения и уничтожения реальных предметов. Следовательно, искусство дважды нереально: один раз, потому что оно нечто, различное от реального; второй раз, потому что это различное и новое нечто, каким является эстетический предмет, содержит в себе как свой элемент дробление (разбивание) действительности. Оно создает

одну высшую реальность, “гораздо более реальную”, чем собственно реальность. А **истина**, которая в принципе не есть реальность, становится такой, как только распознает саму себя эстетически. Она пульсирует в *Форме искусства* (= Антиформе относительно стандарта прагматического каждодневия) как аналог жизни артиста. Ортега-и-Гассет констатирует, что материал никогда не спасает конкретное произведение искусства, и не золото, из которого сделана статуя, определяет ее стоимость. *“Произведение искусства живет больше своей формой, чем материалом, из которого сделано, и основным очарованием, которое излучает, оно обязано своей структуре, своему строению”* (Ортега-и-Гассет 1984: 57).

Произведения художников, представленных на конкурсной выставке, иллюстрируют вдохновенный путь каждого из них к истине – через отрицание стереотипов, клише и избитых канонов, через животворную негацию как отрицание дефинитивного, сектантского отрицания возможности для благотворного и перспективного сосуществования конформативных величин (целостей), через апологию оксиморонического принципа, через подрыв экзистенциально-бытовой *Формы* посредством магнетизма эстетической *Формы-Антиформы* искусства.

Искусство как созерцание позволяет дойти до сути вещей, потому что интерес омрачает сознание, заставляя нас взять сторону, закрывает наши глаза на одну вещь и широко открывает их на другую. Искусство представляет собой забытьё в созерцании, а интерес и созерцание взаимно исключают друг друга. *Формы* красивы, и их красота – это чувство, что живешь мысленно свободной жизнью. “Следовательно – утверждает Ортега-и-Гассет, – эстетическое наслаждение означает наслаждаться посредством известного предмета самим собой” (Ортега-и-Гассет 1984: 114). Форма в искусстве не шаблон, не “карцер”, а безграничное освобождение. Она является ключом к сути предмета. По мнению А. Лосева, вещь не есть сознание о вещи, но с разных углов художественного освещения ее ино-

бытия мы можем добраться и до ее бытия. С помощью эстетической материи художник преодолевает нажим материи (одинаковой для множества предметов), чтобы прикоснуться к самости предмета. Вещь – это не материал вещи, ни ее форма, ни соединение того и другого, это не один из ее признаков, ни все ее признаки, взятые вместе. Ни целое, ни части вещи не представляют собой саму вещь. Художник инстинктивно ощущает это – он приходит интуитивно к глубоким философским истинам о предмете, открывает непознаваемость предмета и вопреки тому не перестает неутомимо и рьяно искать его суть с неустойчивой устремленностью “богоизбранного”. Он открывает артистическим путем то, что доступно лишь крупным философам; через собственную индивидуальность, относительно постижимую только в искусстве, открывает абсолютную индивидуальность вещи, т.е. ее “сбмое самó” (термин А. Лосева). Именно на этот величайший вызов удалось ответить достойно и оригинальным образом авторам выставки.

Своим искусством художник прикасается к живучести своего Я, и это несет ему умиротворение, потому что Я – это не то, что со мной случилось (даже рождение и смерть), потому что Я – вне рождения и умирания, вне жизни и самой смерти. К самости вещи можно приблизиться путем объединения всех тех частичных моментов посредством единого, неразрывного, абсолютно индивидуального и нечастичного погружения в себя. Вещь сама по себе гораздо больше своих проявлений – она есть бесконечный символ бесконечности. Творец избегает определять что-то через его признаки, потому что знает, что это ведет к отрицанию его сути, к отдалению от его самости, а она и без того невыразима и недостижима в прозаическом мире будничного. Ускоренная и наслаивающаяся художественная “предикативность” вещи в концепциях творцов, участвующих в комментированной выставке, – веский аргумент в пользу абсолютной потенциальной “омнипредикативности”, как синонима неприкосновенной индивидуальности вещи. Обнаружить ее сбмое самó, означает не иметь воз-

можности высказать о ней ни одного, окончательного, предиката. Именно это подсказывает нам работа каждого участника в конкурсе. А “беспредикативная” (в смысле неокончательной и неединственной предикации) самость имеет внепространственное и вневременное звучание. Она есть великая простота сознания и бытия. Ее начинает замечать ум, воздерживаясь от суевы и пестроты слепой сетивности. Но сколь бы ни воздерживался человеческий ум, сама жизнь, еще до любого воздержания, возможна лишь благодаря этой великой простоте. Изобразительное искусство есть восхваление негации как отвержения готовых рецептов и знакомых схем.

Интерпретация, как дело человеческого субъекта, может показаться нам несовместимой с принципиально непознаваемой сущностью предмета, но на самом деле даже самое обыкновенное человеческое видение подсказывает нам, что интерпретативные формы сбмого самó есть его самость, что любая наша интерпретация является как раз интерпретацией сбмого самó – в процессе осуществления. Осуществление – развитие того, что возникло (т.е. глубинное повторение), а самость – спонтанное, самопорождающееся осуществление. И поскольку она есть самовозникающая в каждый чуть заметный момент новость, лишь в силу этого она – это оно само, т.е. абсолютная индивидуальность. Следовательно, новость – это функция повторения, непрерывности моментов. Абсолютная индивидуальность – это абсолютное отличие всего от всего. Абсолютная новость, или различие каждого момента, предполагает абсолютную непрерывность и его неотделимость от какого бы то ни было другого момента. **Сбмое самó** – это непрерывное осуществление, а каждый отдельный момент является новым в одной абсолютно неразличимой непрерывности. Произведения участников в выставке являются герменевтическим призывом к творческой интерпретации, к интерпретативному соавторству как артистическому воссозданию динамической, развивающейся самости предмета.

Художник открывает бесконечность смысловых проявлений вещи,

бесконечное множество интерпретативных подходов к ней, ее бесчисленное количество Форм самопроявления. Творцы, участвующие в конкурсе, увлекают нас в герменевтическое путешествие по следам предмета, чтобы разгадать хоть часть его посланий.

Упрощенные (и унифицированные), тотально обезличенные, роботобразные фигуры **Велизара Димчева** гипертрофией своего технического совершенства, “перфектным” своим *emproi* напоминают об огромном дефиците духовности и о тотальной деперсонализации. Их навязчивая “механичность” толкает зрителя искать самость эстетического объекта как контрапункт видимого...

Бесспорно запоминающаяся инсталляция – “Промывание мозгов. Добро пожаловать в новый мировой порядок” **Калояна Илиева**, с “бледнолицыми” матрешками, закрытыми черными чадрами со скудными прорезами для “лукавых” взглядов их “лазурных” (и все-таки смущенных!) глаз; ставшие в стройные ряды, переворачивает наши стандартные представления о терроризме и промывает наши мозги, засоренные инфантильно-фанатическими клише о генеалогии и направленности терроризма. Оригинальная композиция, построенная как “мизансцена” из старинной пьесы, синтезирует американское “духовное” бытие с идиллически-националистической перспективой зарекомендовавшей себя, испытанной воспитательной методологии – грудного ребенка еще с колыбели воспитывают на “поэтике” (и пафосе) патриотических символов (эмблемы US экзистенции) – вездесущий телевизионный экран и сопутствующая ему традиционная воздушная кукуруза, а также ее “метонимически-садистический” эквивалент – эффектный деликатес с экзотическим привкусом – человеческие глаза в жестяной банке. Воздействие удваивается реминисцентной ретроаурой, выделяющей силу преемственности. “Святой Георгий” и “Иоан Креститель” из серии “Современные иконы из Кокимото” одними названиями выражают острую гротескную иронию “сегодняшнего дня”. Они иллюстрируют тотальный крах ценностей и “апологию” их детрони-

рования – посредством пресных суррогатов красоты, “сублимировавшей” в монументальном китче.

В ярко-эксплозивных феериях **Кристины Иробалиевой** вибрирует диктаторская подоплека каждого “становись в строй”, сшитая из скрытой игрословицы, основанной на отчасти комплементарной омонимии (*строй* – как форма общественного устройства; и *строй* – как группа людей, поставленных в ряд с аллюзией об “отчитывании” людей (и манипулировании их сознанием) в недемократических *de facto* обществах). Она излучает иронию строевого пафоса, высокопарного стадного энтузиазма, но нашептывает и перспективу о “более светлом будущем”, об альтернативе розовых очков, отражающих пословичную ребячью склонность к идеализированию. Благодаря эффекту протеста (“Протест”) – отчего же он должен быть непременно бесплодным и бесперспективным?! – с его шарообразной “черно-

той”, упрямо и неуклонно наступает “осахаренная” розовость.

Луиза Марган доверяет нам “Почему мы не есть” – “потому что нет других...”. Заглавие воспринимается как ироническое откровение о невозможной индивидуальности и коммуникативной зависимости. В коммуникативном вакууме нас быть не может. Пустые резиновые сапоги ожидают внешний императив, скрытые или явные ультиматумы со стороны других, свою “Формальную начинку”. Стекланный прямоугольник перед ними (окно-зеркало) не имеет перспективы, потому что нет антропологического отражения без другого, который каждый раз идентифицирует нас как множество не-Я. Построенные в колонну этернитовые плоскости – жизнеподдерживающая “тюрьма” нашей коммуникативной зависимости. Деревянный язык (“Язык”) словно хочет нас “за-лизать” в открытом пространстве, чтобы указать нам на-

стоящее место в Космической необъятности. Только там у нас есть шанс вписаться гармонично среди остальных универсальных со-компонентов. “Приближение” иллюстрирует этот процесс – “ощупывающее” соприкосновение (энергообмен) фигуры с предметом, с которым мы сопоставимы, соизмеримы, равнопоставлены, обеспечивает нам крестообразное (и цветкообразное) слияние с предметом. Этот реципрокный символообмен (взаимное символизирование) есть уловленная (достигнутая) самость предмета как повторение и уникальность, различие и без-различие, новизна и непрерывность. Взаимное субституирование – это не болезненное перешагивание через порог, а сакральное “крещение”. Треугольник, образованный человеческой фигурой с нижней частью колонны, – это гармония и стабильное равновесие любви, разума и свободы (созидания). Своим силуэтом девушка одновременно “дорисовывает” и песочные часы, напоминающие как об уходе времени и его призыве-предупреждении – “У вас нет времени на разбазаривание!”, так и об “обещании” о долговечности идей и благородных, гуманных дел в защиту человечества, на пользу его прогресса и благоприятной будущности (просперитета), которые дарят вечность и трансцендентное бытие своему создателю. Белая колонна напоминает также и факел, намекая на чередование жизни и смерти, которое в панораме необъятной вечности означает только жизнь, озаряемую божественным светом и огнем любви. Факел – это еще и пробуждающийся призыв, оплодотворяющий огонь знания и просвещения, вдохновения, разума и истины, которые являются главными оружиями художника (и искусства вообще) и которые превращают его в демиурга и спасителя.

“Снежно” опустевшая, безмолвная “Летняя дискотека” **Петра Минчева** – горько-печальная ирония ностальгии воспоминания, эйфорического “гула” псевдозабавления и “жизнерадостных” иллюзий о бездуховном будущем. Снег покрыл “магический” источник удовольствия, чтобы вырвать нас из коварных объятий привычки, которая по мнению Э. Чорана

“притупляет наше удивление перед бытием; мы есть – и не обращаем внимания на это, занимая свое место в приюте существующих”. Он продолжает: *“Как конформист я живу, пытаюсь скорее жить, опираясь на подражание, на уважение к правилам игры, боясь оригинальности. Примирение автомата”* (Чоран 2006: 78). Художественные руины, рассыпанные отломки “опозоренных” (оскорбленных) предметов, “обесчещенных” архитектурных достопримечательностей словно сталкивают нас со своим зияющим, “оглушительным” молчанием с тем, чтобы мы опомнились... Эта меланхолическая пустота является также прояснением, перспективой для “очистки территории” перед новым рождением, обновлением... Снег – своей нежной, уютной белизной и теплом, зябливой деликатностью своего изящного покрывала – сохраняет святость отчаянного зывания к осознанию и рокового предъзнания послания. Вместе с тем он сохраняет ценность разрушенных, покалечен-

ных предметов, уверяя, что облегчит их боль, “вылечит” их, вдохнет надежду на восстановление и более светлое будущее.

Пестроцветно пульсирующие “Портнихи” **Стелы Василевой** крутятся в головокружительном темпе “нашей пато-динамической”, разбазаренной жизни и постоянно рецидивирующего синдрома без-мыслия, отрицаемой у нас возможности думать. Реди-мейд инсталляция “Без названия” – это камерно-приглушенный, ювелирный протест против зализывающей, закрывающей в ящики сверхупорядоченности в пользу вечной открытости и благословенного “не-ответа” на вопросы об Я, чьи духовные “размеры” варьируют. Как же нам удастся комбинировать и сочетать изящные проволочки своего естества, как мы соединим их с проволочками другого (или других) существ, чтобы сплести из них вероятную собственную Судьбу, которая жидет нашу самость и делает ее осязаемой? На эти вопросы каждый может ответить по-своему.

Импозантный коллаж **Даннелы Костовой** “Декадентское затмение” представляет собой идиллическую панораму “героического” ежедневия современной матери, изнемогающей под бременем собственной “полифункциональной эмансипации”. Гротескная додекафония дополняется фольклорно-пасторальным, сюрреалистическим акцентом волынки среди цивилизационно-упадочного и отходного антуража, возвысившейся своей непреходящей самобытной (первичной) музыкальностью фаллической символики. Истощительный эксгибиционизм эмансипированной матери усиливается стулом для зрителя перед картиной, который развенчивает “подвиг” обремененной кучей обязанностей женщины, превращая его в “карнавальное зрелище”. Насилие над природой не остается безнаказанным, и она рано или поздно отомстит...

“Коробки” **Десиславы Морозовой** являются динамичной пространственной инсталляцией, которая проводит нас по полосам света сквозь лабиринт жизни. Философская эстетика художницы в “Проекте “Сиеста” (инсталляция) извергает фейерверком из лучеобразного снопа пластмассовых ложечек для кофе, увековеченных в этом “заповеднике для редких видов”, составленном из воздушных столпов между объемными элементами (стеклянными сосудами, полными жидкостью). Эти фонтаноподобные или же переплетающиеся, взаимопроницающие ложечки создают одну холархию (термин художницы), где каждая следующая содержит все предыдущие. Так получается равный допуск многих

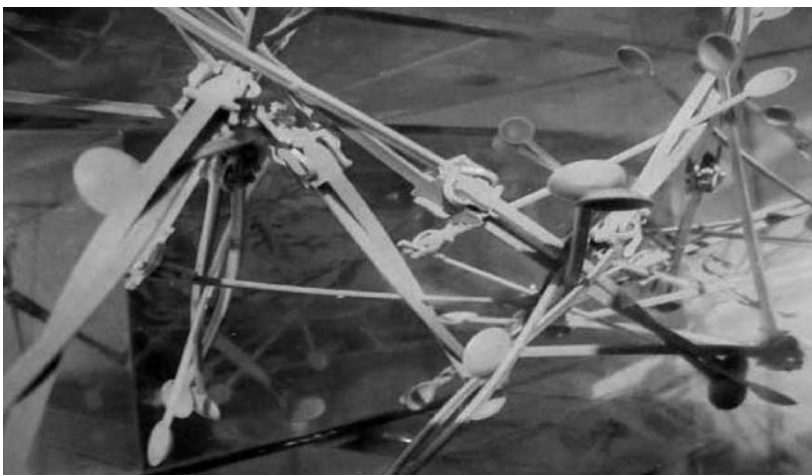

образов одновременно в одно произведение и их параллельное существование – таким образом формируется множественная и всеобъемлющая самость предмета. По словам Десиславы Морозовой, “объект” (конструкции из ложечек для кофе) начинает дышать и пульсировать между предметами быта и лабораторными препаратами, между моделями молекул и пластиками, группами фигур и водорослями, разобранными частями и энергичными структурами. Объект движется в двух направлениях между абстрактными и конкретными образами. С другой стороны, прозрачность инсталляции и зеркальные призмы дают возможность, чтобы она вобрала в себя все галерейное пространство: другие экспонаты, отражения, проходящих посетителей, каждый цвет, архитектурный орнамент, свет, события. Так объект вбирает в себя все остальное, включает его в свою орбиту и делает частью себя, являясь в то же время частью этого целого. Таким образом достига-

ется созвучная оркестрация отдельных предметов с их уникальной самостью в рамках симфонии самости.

Это попытка ответа на “терзания” Георга Зиммеля, что произведения искусства пропускают очень небольшую часть многоликости цивилизации и природы. На самом деле, они “предвидят” и создают эту многоликость. Объект начинает синтезировать (и синестезировать) пространственную образность, а это уже есть попытка омнидиалогичности (или полилога), соматизированная чувственным, “обливающим” прикосновением между линейными элементами (ложечками) и столпами жидкости, между ними и стеклянными сосудами.

Иван Мудов с его “Румынским номером” из сломанных, “выпотрошенных” монет, рассыпанных по полу в виде спонтанного изображения готового для удара барана, из рогов которого предупредительно сыплотся искры – искры непримиримости с просочившейся до мозга костей меркантильностью. Лишенные стоимости монеты “с вырванным жалом” не рассыпались ненужным металлическим мусором по мраморным плитам, а превратились в символ консолидирующего и братски сплывающего круга, царственного солнца, нового начала, духовного величия, объединяющего в блаженстве вечного бракосочетания индивидов обручального кольца; “обезденежные”, они превратились в самородные сокровища Духа. Румынский номер своим “монетарным издевательством” является иронией нашей маньячной зависимости от “власти” денег...

В своей интерактивной инсталляции “Без названия” **Орлин Неделчев** солидно запер за решетками флекс-машину, напоминающую мегафон. Это режущий голос непредвидимого и неудобного, угроза всем “аккуратно причесанным” “своим”, “удобникам”. Решетка бережет не столь толпу от него, а его от толпы – от ее бездушия, безличия, безразличия, безмозглости, бесстрастия и бесстрашия – толпа, глухая для взываний-воплей непримиримого борца и страдальца, чей крик неудобен для слушания. Самость предмета нельзя ущемить, решетка ее не нарушает, а бережет – для другого времени, другого места и других людей...

Интерактивное пространство ясного садового простора (“В саду – объекты без названий”) резко контрастирует с “непосильной легкостью нашего бытия” (тяжелотоннажные бетонные рюкзаки, сумки, несессеры на “герметизирующих” металлических молниях) – наши якобы атрибуты, а на самом деле – метафорические субституты. Мы таскаем невообразимо тяжелые “вьюки” (наш квазианатомический горб) невозможности добиться своей собственной идентичности – вот почему мы вечно в пути и вечно отождествляемы со своим багажом, который делает нас похожими на любого другого представителя человеческого вида (превращает нас в себеподобных) и жадно забирает наше время (которое мы могли бы посвятить совершенствованию индивидуальности, была бы у нас такая). С рюкзаками за спиной мы похожи на черепах, однако панцирь их оберегает, в то время как наши “принадлежности” нас предают. Или же, отождествляясь с ними, мы сами предаем себя. Жертвы автопредательства, мы шагаем по жизни более ущемленные, более обнаженные, чем любая тварь, сгибаясь под тяжестью собственных предрассудков, злободневностей, мелкотемья, имитации и полного подчинения стереотипам. С этим уродливым “аксессуаром” мы отправились “в паломничество” к алтарю своей собственной брентности и бессилия.

Симеон Симеонов показывает нам “Давида” (с выколотыми глазами) – неизменно красивого и отчаян-

но ищущего красоту. Несмотря на то, что он облит кровью и полуразложен, в результате анахронизма одной выдохнувшейся догмы с претензиями на авангардность, сияющий блеск контраста между красным цветом мятежной любви и белым цветом духовного совершенства удваивает его очарование. Приняв на себя грехи человечества, как Иисус, через свою боль и страдание он укрепляет его веру и ведет его по пути к красоте.

Дьявольски-иронический вызов архитектуре (“Против архитектуры”) обретает форму вздутого пузыря цвета потрясающе розового леденца на палочке, способного вместить и переварить акробатические чудеса современной архитектуры со всеми ее претенциозными эксцессиями и экстравагантностями.

“Борцы” тают друг в друге до степени, в которой борьба с себеподобным – словно поединок с нашим двойником (с самим собой). Гротескно

малиновый цвет – это режущий хохот карикатуры на нас самих. Иллюзия о нашей непобедимой силе – это аномалия нашего сознания. Это уродливое (патологическое) единение является функцией турпистической эстетики обезличения, ассимиляции в другом.

Симеон Стоилов заставляет нас поклониться (“Поклонись”) перед вселенской многоликостью, многозвездностью и многоголосием, перед величием Космобытия, инегральной частью которого являемся и мы сами, но, к сожалению, частью неосознанной, неосозвученной и часто недостойной. Поэтому мы обязаны понять, что “Некоторые вещи ценнее других”, и опуститься на колени перед сердцем, как перед самой драгоценной и волшебной-энигматической самостью, а не как перед реликтом, т.е. музейным экспонатом – достаточно притягательным для любопытных и заинтригованных посетителей.

Сделанный обзор проблематики

коллективной выставки-конкурса наводит нас на следующие выводы:

1. В поиске самости предмета художник не только принимает интеллектуально-эстетический вызов со-творять его, вос-создавать и до-создавать, но идет неуклонно по следам своей собственной самости, которую пытается ритмизировать в полифонии самостей как своих собратьев по искусству, так и равнодушных зрителей.

2. Художник осуществляет связь между самостью своего объекта, других эстетических объектов и художественного пространства в целом. Достижение симбиотической и синестезивной ритмики способствует более проникновенному зондированию самости предмета как такового и выбранного художественного объекта, в частности.

3. Путь художника к самости – это путь к истине. Он проходит и через негацию – сноп отрицаний как точнейшая характеристика объекта (“Это не это, и не это, и не это...”), и через Форму – “стягивающий корсет”, выкроенный из привычек, стереотипов и конвенций, как деградация искусства, чтобы дойти до гибкой и метаморфической эстетической Формы – Антиформы, и через антиномии как со-звучия, и через созерцание как бескорыстная пенетрация до живучести бытия и его “представителей”, и через свободу в выборе пластических средств, подходов, идейно-эстетических подступов и толкований.

4. Индивидуальный поиск самости предмета ведет к общности идей и гармонии в действиях художников выставки. Так постигается оми-самость художественного пространства, абсорбирующего, ассимилирующего и излучающего синтез отдельных посланий эстетических объектов.

5. Путем зондирования самости с разных точек зрения художник совершенствует диалог с самим предметом, а посредством него и с художественным пространством вообще. Этот диалог передается по индукции другим объектам и их авторам, а также активной публике. Поиск творца превращается в коммуникативное откровение и, следовательно, в истину, которая воцаряется в коммуникативное

пространство, оберегая его от фальши и Формальной тирании. В отличие от нее, Форма в искусстве “нащупывает” самость предмета.

6. Поиск в искусстве – это свобода, а она сближает всех художников, делает их друзьями и взаимными почитателями, а не антагонистами.

7. Волнующее путешествие к самости предмета как эстетического объекта представляет собой перманентную автоинтерпретацию, вливающаяся в поток интерпретационного полилога – между художниками-участниками в конкурсе, между зрителями и художниками, между самими зрителями... Эта цепная, возрастающая и накапливающаяся интерпретативность создает аутентизм общения, которое непрерывно обновляется, самоочищается и перезаряжается.

8. Предметы как эстетические объекты трансцендированы художниками. Они отбрасывают их каждодневную, рутинную употребимость. Созерцание – креативная эстетическая энергия и “действие” – словно вырывает их из узко-утилитарного предназначения, чтобы возвысить до всматривания в себя, самоуглубления (отражаемого оригинальным образом каждым автором), раскрывающего их “другость” как существенную часть их самости.

9. Образно-ментальные рефлексии, вызванные выставкой, отражаются и в языке – обогащают его, катализируют его, расширяют его изобразительно-пластические горизонты, увеличивают ресурсы изящной образности в его пределах.

Представленная выставка иллюстрирует слова Ортеги-и-Гассета о том, что искусство нельзя сводить к психическому заражению (т.е. к бессознательному явлению); оно есть и должно быть ярким светом, озарением для интеллекта. И мы снова возвращаемся к невыполнимости творческого порыва и неуловимости предметной самости (на которую, однако, частично, с разных углов зрения, можно пролить свет), потому что художник никогда

не может освободиться от ощущения, что стоит перед неразрешимой задачей (если бы ее можно было решить, не было бы искусства). Макс Фридендер говорит: “Я люблю его, потому что оно желает невозможного”. Оно – наше спасение, потому что, как пишет Гете: “Нет более надежного способа убежать от мира, кроме как с помощью искусства, и нет более надежного способа приобщиться к миру, кроме как с помощью искусства.” (по Фридендеру 1985: 51).

References:

1. Rolan Bart za Rolan Bart., 2005.
2. V. Kandinski. Za duhovnoto v izkustvoto [Spirituality in art]., 1998.
3. A. Losev. Samoto samó., 2004.
4. H. Ortega-i-Gaset. Esteticheski eseta [Esthetic essay]., 1984.
5. A. Fosijon. Zhivott na formite [Life forms]., 1984.
6. M. Fridlender. Za izkustvoto i

poznavacha [Art and the expert]., 1985.

7. E. Choran. Nar#chnik po razlozhenie., 2006.

Литература:

1. Ролан Барт за Ролан Барт., 2005.
2. В. Кандински. За духовното в изкуството., 1998.
3. А. Лосев. Самото самó., 2004.
4. Х. Ортега-и-Гасет. Естетически есета., 1984.
5. А. Фосийон. Животът на формите., 1984.
6. М. Фридендер. За изкуството и познавача., 1985.
7. Е. Чоран. Наръчник по разложение., 2006.

Information about author:

Dimitrina Hamze – Assistant Lecturer, Plovdiv University named after Paisii Hilendarski; address: Bulgaria, Plovdiv city; e-mail: didiham@abv.bg

ON THE QUESTION OF ORGANIZATION OF THE BALANCED DIET IN THE CYCLIC SPORTS

M. Skvortsova, Candidate of Education, Associate Professor
V. Dubchak, Head of a Chair
M. Kungurzewa, Senior Lecturer
Kuzbass State Technical University, Russia

Basic provisions of organization of the balanced diet in the course of training athletes at the stage of sports mastership are presented; practical recommendations at drawing up the food ration are developed; efficiency of implementation of the experimental technique on the basis of biochemical control in heel-and-toe walk is defined.

Keywords: training process, heel-and-toe walk, balanced diet, biochemical control, yearly cycle of training walkers.

Conference participant,
National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПИТАНИЯ В ЦИКЛИЧЕСКИХ ВИДАХ СПОРТА

Скворцова М.Ю., канд. пед. наук, доцент
Дубчак В.А., зав. кафедрой
Кунгурцева М.Д., ст. преподаватель
Кузбасский государственный технический университет, Россия

Представлены основные положения организации рационального питания в процессе подготовки спортсменов на этапе спортивного мастерства, разработаны практические рекомендации при составлении рациона питания и определена эффективность применения экспериментальной методики на основе биохимического контроля в спортивной ходьбе.

Ключевые слова: тренировочный процесс, спортивная ходьба, рациональное питание, биохимический контроль, годичный цикл подготовки ходоков.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:csah.v0i6.935>

Современный спорт характеризуется интенсивными физическими, психическими и эмоциональными нагрузками, предъявляющими предельные требования к важнейшим функциональным системам и приводящими к глубокому истощению ресурсов организма спортсмена [1]. Процесс подготовки к соревнованиям включает, как правило, двух- или трехразовые ежедневные тренировки, оставляя все меньше времени для отдыха и восстановления физической работоспособности. В условиях тренировочной и соревновательной деятельности резко возрастает роль рационального питания и приема различных веществ естественного и искусственного происхождения, способных обеспечить высокую работоспособность спортсменов, повысить эффективность протекания восстановительных процессов и расширить границы адаптации организма спортсмена к экстремальным физическим нагрузкам.

Для спортсменов, стремящихся к достижению высоких результатов, вопросы рационального питания приобретают особое значение, поскольку взаимосвязь питания и физической работоспособности в настоящее время не вызывает сомнений [2, 3]. Грамотное построение рациона питания спортсмена с обязательным восполнением затрат энергии и поддержанием водного баланса организма

является важным требованием организации тренировочного процесса.

Определение основных положений рационального питания требует оценки положительных и отрицательных качеств используемых продуктов питания и учета состояния организма человека, которое определяется многими факторами. К сожалению, в настоящее время не имеется достаточно обоснованных научных данных, позволяющих рекомендовать рационы питания для представителей различных видов спорта, адекватные по калорийности суточным энергозатратам и соответствующие действительной потребности спортсменов в основных пищевых веществах. В то же время многие специалисты отмечают, что имеющееся фактическое питание спортсменов в периоды тренировок и соревнований не отвечает элементарным требованиям рационального питания.

Целью данного исследования являлось теоретическое обоснование и практическая разработка рациона питания для повышения уровня подготовленности ходоков на этапе спортивного мастерства.

Объектом нашего исследования являлся тренировочный процесс подготовки спортсменов в спортивной ходьбе.

Предметом исследования выступал процесс организации рационального питания ходоков.

В процессе исследования нами решались следующие задачи: изучить практическое состояние проблемы организации рационального питания в циклических видах спорта, обосновать методику определения содержания пищевого рациона в спортивной ходьбе, проверить эффективность экспериментальной разработки в соревновательной деятельности ходоков в период их обучения в вузе.

Организация питания спортсменов основывается на основных положениях рационального питания, но имеет и некоторые характерные признаки: питание должно быть сбалансированным, учитывающим пол, возраст занимающихся, а также особенности данного вида спорта. Рацион должен быть организован таким образом, чтобы поступление энергетических веществ из пищи соответствовало расходованию энергии во время физических нагрузок в соответствии с этапом тренировки в годичном цикле подготовки спортсмена, составление индивидуального графика и подбор питания должны учитывать индивидуальные особенности организма и вкусовые пристрастия каждого из спортсменов.

Тренировочные и соревновательные режимы в циклических видах спорта характеризуются продолжительными физическими усилиями со сравнительно небольшой мощностью, следовательно, преобладают аэробные

процессы и наблюдается почти полное покрытие кислородного дефицита при отсутствии ацидотических сдвигов [3, 4]. В качестве энергетического резерва служат углеводы (гликоген мышц), свободные жирные кислоты и кетоновые тела. Таким образом, при работе в аэробном режиме требуется увеличить калорийность рациона, повысить количество углеводов, полиненасыщенных жирных кислот, липидов, витаминов E, A, B1, B2, B12, аскорбиновой и фолиевой кислоты.

Учитывая специфику соревновательной деятельности спортсменов в циклических видах спорта на примере спортивной ходьбы, особенности календаря стартов, построение тренировочного процесса в течение года обеспечивается на основе двух макроциклов. Первый макроцикл приходится на осенне-зимний период и включает в себя подготовительный период (октябрь - декабрь), предсоревновательный период (январь), соревновательный период (февраль). Второй макроцикл охватывает весенне-летний период и состоит из подготовительного периода (март - апрель), предсоревновательного периода (май), соревновательного периода (июнь - сентябрь) и переходного периода (конец сентября - начало октября).

В подготовительном периоде осуществляется акцентированное воздействие на повышение функциональных возможностей атлетов, тренировочные занятия должны быть направлены на развитие силы, общей выносливости, гибкости. Этот период характеризуется большими объемами специальной силовой подготовки с использованием упражнений статического и динамического характера, а также скоростно-силовой направленности, которые увеличиваются от октября к декабрю. Объем же соревновательной нагрузки (ходьба, бег, лыжные гонки) сравнительно невелик в данный период.

Рацион питания в начале подготовительного периода (октябрь) должен включать в себя большое количество кисломолочных продуктов, прием сыра в течение всего дня, кефир, ряженка, творог, в том числе с сухофруктами, молоко в вечернее время. По окончании тренировки спортсмену

следует съесть несколько орехов и банан.

В ноябре и декабре, когда возрастает нагрузка силовой и скоростно-силовой направленности, необходимо добавить к рациону продукты пчеловодства (пыльцу и пергу). Пыльцу принимают утром, в обед (или после дневной тренировки), перед и после вечерней тренировки под язык. В дни, когда проходят силовые тренировки, следует увеличить количество пищи, содержащей белки, можно использовать холодец и яйца, а также морепродукты, бутерброды с икрой. Количество белка, принимаемого в день, в данный период годичного цикла подготовки в спортивной ходьбе составляет 1-1,5 г на 1 кг массы тела. Во второй половине ноября и в декабре из-за высокой интенсивности тренировочного процесса силовой направленности целесообразно использовать биологически активные добавки, белково-углеводные гейнеры, аминокислоты, растительные препараты анаболического действия, витаминно-минеральные комплексы. Потребление белка возрастает до 2,0-2,2 г на 1 кг массы тела.

Применение белково-углеводных энергетиков (гейнеров) способствует повышению скорости ресинтеза мышечного гликогена, как одного из энергетических субстратов эффективной тренировочной деятельности. Они содержат 8-25% белка, 60-77% углеводов, специализированные добавки (моногидрат креатина, глютамин, витамины, минералы, L-карнитин). Для скороходов рекомендуется применять энергетики с большим содержанием углеводов за час до тренировки и через полчаса после. В зависимости от количества и интенсивности тренировок возможно использование гейнеров 3-4 раза в течение одного дня.

Применение аминокислотных комплексов или отдельных аминокислот оказывает влияние на ряд физиологических процессов, активизирующихся в процессе занятий спортивной ходьбой, и оптимизируют аминокислотный профиль принимаемой обычной пищи. Аминокислота L-глютамин, которая является вместе с глюкозой основным питательным веществом нервной системы, способствует про-

цессу анаболизма, стимулирует синтез гликогена – основного энергетического субстрата организма ходока. L-глютамин следует применять 2-3 раза в день во время еды. L-лизин (незаменимая аминокислота для построения белков) необходима для роста, восстановления тканей, выработки гормонов и ферментов. Дополнительный прием лизина по 2-3 капсулы в день во время еды будет противодействовать развитию утомления в результате интенсивной физической нагрузки.

Основной задачей в соревновательном периоде является совершенствование всех тех двигательных качеств, которые гарантировали бы оптимальную готовность к эффективной соревновательной деятельности на фоне относительной стабилизации спортивной формы. С увеличением длительности нагрузки мобилизация жирных кислот возрастает. Добиться повышения в организме количества свободных жирных кислот возможно применением кофе или чая перед началом двигательной деятельности.

В спортивной ходьбе при преодолении дистанции 30-50 км для отдаления усталости организма, поддержания деятельности ЦНС следует использовать добавки на основе гуараны. Благодаря содержанию кофеина, гуарана действует как психомоторный регулятор, который повышает биоэлектрическую активность мозга, стимулирует синтез адреналина, способствует возбуждению ЦНС и сердечной мышцы, что приводит к повышению выносливости организма.

В числе мероприятий, повышающих работоспособность спортсмена в условиях соревнований, можно рекомендовать прием пищи перед стартом, особенно перед длительными спортивными нагрузками (стайерский и марафонский бег, гребной марафон, дальние заплывы, бег на лыжах на длинные дистанции, велогонки и т.д.).

Принимать на старте можно только такие пищевые вещества, которые не обременяют желудок, не требуют времени для переваривания и быстро всасываются из кишечника в кровь. Этим условиям вполне удовлетворяет глюкоза. При этом результаты опытов показывают, что у лиц, принявших глюкозу непосредственно перед стар-

том или за 1,5-2 часа до начала, содержание сахара в крови во время работы повышалось [2]. У спортсменов, которые принимали глюкозу за 10-15 мин до старта и за 30-60 мин с момента начала работы содержание сахара в крови понижалось и падало до низкого уровня. Первые чувствовали себя хорошо и испытывали прилив работоспособности. Вторые не испытывали повышения работоспособности, а некоторые даже чувствовали себя хуже, чем без приема глюкозы.

В переходный период решается задача сохранения тренированности спортсменов, обеспечение преемственности между завершающимся и последующим макроциклами и оптимальной готовности к началу очередного сезона. В переходный период отсутствуют интенсивные тренировки в подготовке ходоков, применяются прогулки, в том числе велопогулки, спортивные и подвижные игры, силовые тренировки заменены упражнениями на гибкость и расслабление мышц и связок.

Схема питания включает в себя следующую структуру: овощи, салаты из овощей → термически обработанная пища (овощи, каши, макаронные изделия, картофель, бобовые, мясо, птица) → сыр, творог, кисломолочные продукты → фрукты. На завтрак и обед рекомендуется больше пищи, содержащей углеводы, на ужин – белка.

Примерный рацион питания спортсменов в переходный период:

1. Завтрак: овсяные хлопья (мюсли) или овсяная каша в сочетании с сухофруктами (изюм, курага, чернослив) и орехи. За 10-20 минут до завтрака 1-2 стакана чистой (желательно структурированной) воды с 1ст.л. яблочного уксуса и меда, в течение дня следует выпивать минимум 1,5 литра воды.

2. Обед: каша гречневая, пшеничная, из бобовых растений или спагетти с сыром, пища должна содержать углеводы и растительные белки.

3. Ужин: предпочтительна белковая пища для восстановления белкового баланса в организме после тренировок.

Переходный период, как правило, приходится на осенний период годич-

ного цикла, поэтому в рацион необходимо включать большое количество овощей, фруктов, мед, цветочную пыльцу для повышения эффективности процесса восстановления организма после прошедшего соревновательного сезона и подготовки к следующему. Кроме того, с целью восполнения запаса кальция необходимо съедать как можно больше сыра, творога и кисломолочных продуктов. Для укрепления и восстановления работоспособности суставов следует включать в рацион продукты, содержащие желатин (холодец, заливные блюда). Питание спортсмена в переходный период должно составлять 3-4 приема пищи в день. В этот период следует принимать по бокалу красного вина на обед и ужин к мясным блюдам, дичи и сырам.

Педагогический эксперимент проводился в соответствии с целью и задачами исследования и был направлен на определение уровня подготовленности спортсменов с использованием биохимического контроля состояния организма до и после внедрение экспериментальной методики, оценку эффективности использования рационального питания в учебно-тренировочном процессе ходоков.

Разработанная методика определения рациона питания применялась в процессе подготовки ведущих спортсменов сборной команды Кузбасского государственного технического университета по спортивной ходьбе. Результаты биохимических анализов в течение всего годичного цикла позволили сделать вывод об эффективности использования экспериментальной методики для повышения уровня подготовленности спортсменов на этапах спортивного совершенствования и спортивного мастерства.

Важную роль в системе спортивной тренировки играет эффективность трансформации достигнутого уровня подготовленности в соревновательную деятельность. Спортсмены, принимавшие участие в педагогическом исследовании, подтвердила свое звание сильнейших скороходов сибирского региона, выиграв городские, областные и зональные соревнования и получив право участвовать во всероссийских соревнованиях.

References:

1. Pshendin, A.I. Pitanie sportmenov [Athletes nutrition], A.I. Pshendin. – Sankt-Peterburg., GIORD, 2002. – 160 P.
2. Borisova, O.O. Pitanie sportmenov: zarubezhnyj opyt i prakticheskie rekomendacii [Athletes nutrition: international experience and best practices]: ucheb.-metod. posobie [educational-methodological textbook], O.O. Borisova. – Moskva., Soviet Sport, 2007. – 132 P.
3. Grjendzhin, A.K. Potreblenie jenerгии – glavnyj faktor v pitanii sportmenov [Energy consumption – the main factor of the athletes' nutrition], A.K. Grjendzhin, Dzh.S. Ruud., Pitanie v sisteme podgotovki sportmenov [Energy consumption – the main factor of the athletes' nutrition]. – Kiev., Olympic literature, 1996., pp. 7-13.
4. Gleeson, M Comparison of the effect of pre-exercise feeding of glucose, glycerol and placebo on endurance and fuel homeostasis in man, Eur. J. Appl. Physiol - 2001., No. 55., pp. 645- 653.

Литература:

1. Пшендин, А.И. Питание спортсменов., А.И. Пшендин. – Санкт-Петербург: ГИОРД, 2002. – 160с.
2. Борисова, О.О. Питание спортсменов: зарубежный опыт и практические рекомендации [Текст]: учеб.-метод. Пособие., О.О. Борисова. – Москва., Советский спорт, 2007. – 132 с.
3. Грэнджин, А.К. Потребление энергии – главный фактор в питании спортсменов., А.К. Грэнджин, Дж.С. Рууд // Питание в системе подготовки спортсменов. – К.: Олимпийская литература, 1996. – С. 7-13.
4. Gleeson, M Comparison of the effect of pre-exercise feeding of glucose, glycerol and placebo on endurance and fuel homeostasis in man / Eur. J. Appl. Physiol/ - 2001. - № 55., pp. 645 – 653.

Information about author:

1. Marina Skvortsova - Candidate of Education, Associate Professor, Kuzbass State Technical University; address: Russia, Kemerovo city; e-mail: skvortsova06@mail.ru
2. Victor Dubchak - Head of a Chair, Kuzbass State Technical University; address: Russia, Kemerovo city; e-mail: skvortsova06@mail.ru
3. Marina Kungurzewa - Senior Lecturer, Kuzbass State Technical University; address: Russia, Kemerovo city; e-mail: kungurzewa@yandex.ru

INTERNATIONAL UNIVERSITY

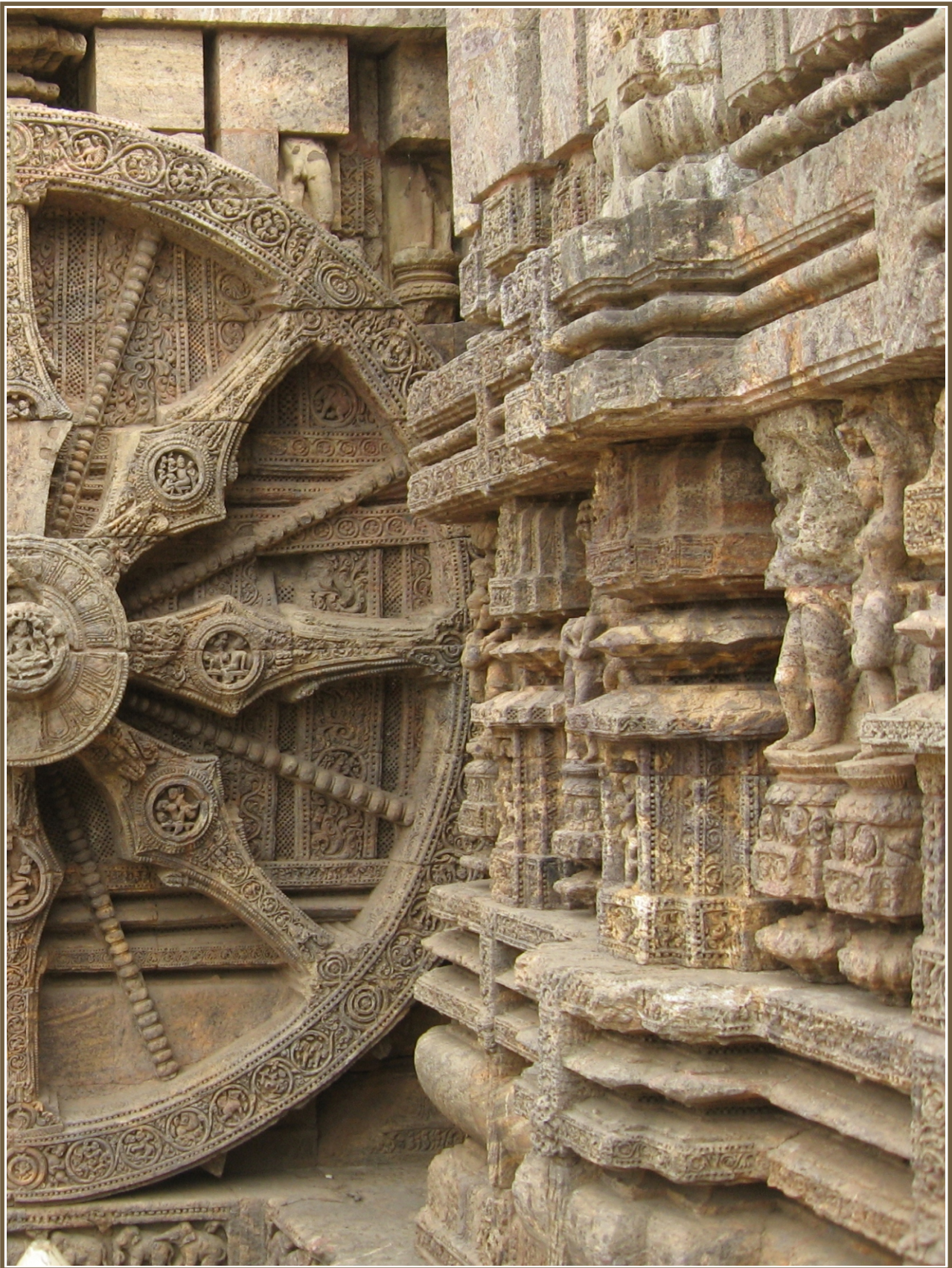
OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu> e-mail: university@iashe.eu Phone: + 44 (20) 32899949

GISAP Championships and Conferences 2015

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JUNE			
Technical Sciences, Construction and Architecture	18-24.06	I	Technical progress of mankind in the context of continuous extension of the society's material needs
Education and Psychology	04-09.06	II	Functions of upbringing and education in conditions of the accelerated socialization of the personality in the modern society
JULY			
Philological Sciences	15-22.07	II	Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.07	II	The event-based structure, as well as cognitive, moral and aesthetic contents of the historical process
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	21-27.07	II	Life and health of the person through the prism of the development of medicine, food safety policy and preservation of the biodiversity
AUGUST			
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	05-11.08	II	Modern trends in the intensive development of public relations and actual methods of their effective regulation
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	05-11.08	II	Material objects and their interactions in the focus of modern theoretical concepts and experimental data
Technical Sciences, Construction and Architecture	26-31.08	II	Peculiarities of development of public production means and material recourses ensuring the activity of the person in early XXI century
SEPTEMBER			
Education and Psychology	15-22.09	III	Pressing problems of interpersonal communications in the educational process and the social practice
OCTOBER			
Philological Sciences	08-13.10	III	The role of linguistics and verbal communications in the process of informational support of ethnic originality of nations and their progressive interaction
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.10	III	Factor of ideology and the driving force of human aspirations in the process of historical formation of moral and aesthetic culture
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	04-09.11	III	Modern features of development of Biological science as factors of solution of pressing problems of human survival and the natural environment
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	19-25.11	III	Conditions and aims of development of public processes in the context of priority of liberal values and respect to moral and cultural traditions
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	03-08.12	III	Innovative approaches to the solution of systemic problems of fundamental sciences and matters of practical implementation of innovations
Technical Sciences, Construction and Architecture	16-21.12	III	Combination of factors of productivity, efficiency and aesthetics in modern requirements to functions and quality of technical devices and construction projects

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>